

Об идиоме дер. Куровицы (Kukkõsi / Kukkuzi)

М. З. Муслимов

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург;
mehmet@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию современного состояния смешанного водско-ижорского идиома дер. Куровицы. Данный идиом может быть отнесен к классу смешанных языков, причем от водского языка была унаследована морфология, а от нижнелужского ижорского — лексика. В частности, в идиолектах наиболее консервативных носителей этого идиома сохраняются генитив с нулевым показателем, элатив на *-ss(A)*, транслатив на *-ss(I)*, 3Sg презенса на *-b*, частично сохраняются водские чередования ступеней *k/g* и *s/z*. С точки зрения исторической фонетики в куровицком идиоме присутствуют как общеижорские черты (сохранение *h-*, отсутствие перехода *k>č*), так и водские (переходы *ks>hs*, *ps>hs*, *st>ss*). Существует довольно много куровицко-общеижорских лексических изоглосс (*maitU* ‘молоко’, *paitA* ‘рубашка’, *veitsI* ‘ножик’, *iltA* ‘вечер’, *tiitã* ‘знать:Inf’, *muissa* ‘помнить:Inf’), однако заметную долю составляют и куровицко-нижнелужские ижорские изоглоссы (*lautA* ‘стол’, *aukkU* ‘дырка’, *pankl* ‘ведро’, *valo* ‘навоз’, *uhs* ‘дверь’, *rãttI* ‘платок’, *lustI* ‘красивый’, *kitsI* ‘коза’). Как правило, изоглоссы, объединяющие куровицкий идиом и нижнелужский ижорский, противопоставляя их сойкинскому ижорскому, характерны и для водского языка. Из других куровицко-водско-нижнелужских ижорских изоглосс можно упомянуть переходы *nh>n*, *rh>r*, выпадение интервокального *h* в непервых слогах, отсутствие перехода *ir>er*, терминатив на *-ssa*, комитатив на *-ka*, компаратив на *-p*, паритив единственного числа имен на **-eda* с элементом *-l/-d*, отсутствие показателя множественного числа в косвенных падежах *-loi-*. В некоторых случаях распределение вариантов по идиомам оказывается довольно сложным, отражая тем самым взаимные влияния языков и диалектов в нижнелужском ареале. Уникальной чертой куровицкого идиома является презенс имперсонала на *-tAZI/-ttãZ*. В генезисе куровицкого идиома можно выделить несколько этапов. На первом этапе происходило формирование нижнелужского ижорского диалекта под сильным влиянием водского языка, вероятно даже водского субстрата. На втором этапе в ходе контактов нижнелужского ижорского и незадокументированного водского куровицкого говора произошла релексификация, что привело к возникновению смешанного куровицкого идиома. На третьем этапе, продолжающемся в настоящее время, происходит постепенная утрата куровицкой морфологии, иными словами, «реморфологизация», и идиолекты «инновационных» носителей уже почти не отличаются от южных говоров нижнелужского диалекта ижорского языка.

Ключевые слова: водский язык, ижорский язык, Куровицы, языковые контакты, смешанные языки, релексификация, субстрат, диалектология.

On Kurovitsy (Kukkõsi / Kukkuzi) linguistic variety

M. Z. Muslimov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg;
mehmet@yandex.ru

Abstract. The paper proposes a description of the mixed Votic-Ingrian idiom of Kukkuzi in its current state. This idiom belongs to mixed languages, with its morphology inherited from Votic and its lexicon, from the Lower Luga Ingrian. Inter alia, the idiolects of the most conservative Kukkuzi speakers have retained the genitive with a zero ending, the Elative in *-ss(A)*, the Translative in *-ss(I)*, the 3Sg Present in *-b*; the Votic grade alternations *k/g* and *s/z* are partially preserved as well. From the historical phonetics' perspective, the Kukkuzi idiom has both Common Ingrian (e.g., the retained initial *h-*, lack of the sound change *k>č*), and Votic (e.g., the sound changes *ks>hs*, *ps>hs*, *st>ss*) features. Though there are numerous Kukkuzi-Common Ingrian lexical isoglosses (*maitU* 'milk', *paita* 'shirt', *veitsI* 'knife', *iltA* 'evening', *tiitã* 'know:Inf', *muissa* 'remember:Inf'), a significant number of Kukkuzi-Lower Luga Ingrian lexical isoglosses also can be found; e.g., *lautA* 'table', *aukkU* 'hole', *pankI* 'bucket', *valo* 'manure', *uhs* 'door', *rãttI* 'headscarf', *lustI* 'beautiful', *kitsI* 'nanny goat'. As a rule, Kukkuzi and Lower Luga Ingrian features, absent in Soikkola Ingrian, are typical of Votic. Other Kukkuzi-Votic-Lower Luga Ingrian isoglosses are 1) the sound changes *nh>n*, *rh>r*, 2) loss of the intervocalic *h* in non-first syllables, 3) lack of the sound change *ir>er*, 4) the Terminative in *-ssa*, 5) the Comitative in *-ka*, 6) the Comparative in *-p*, 7) the Partitive singular in nouns in **-eða* with the consonant *-t/-d*, and 8) lack of the Oblique Plural affix *-loi-*. In some cases, the distribution of variants by idioms is quite complex, reflecting the mutual influences of languages and dialects in the Lower Luga region. A unique feature of Kukkuzi idiom is the Present Impersonal in *-ttAZ/-ttãZ*. There are several stages in the genesis of the Kukkuzi idiom. At the first stage, the formation of the Lower Luga Ingrian dialect took place under a strong influence of the Votic language. The second stage, marked by contacts between Lower Luga Ingrian and the undocumented Kukkuzi Votic, brought relexification that led to the emergence of the mixed Kukkuzi idiom. The third stage, continuing at the present time, shows a gradual loss of Kukkuzi morphology or "remorphologization" where the idiolects of "innovative" speakers almost do not differ from the southern dialects of the Lower Luga Ingrian.

Keywords: Votic, Ingrian, Kukkuzi, language contact, mixed languages, relexification, substrate, dialectology.

1. Введение

Прибалтийско-финский идиом, на котором говорят в дер. Куровицы, уже давно привлекает внимание исследователей. Традиционно его

относят к водским диалектам, наряду с западно-водским, восточно-водским и кривинским [Адлер 1966: 118]. С другой стороны, Лаанест в своей работе [Лаанест 1966], посвященной детальному описанию основных ижорских диалектов, приводит данные по куровицкому диалекту для сравнения с соседними ижорскими говорами. Обсуждению вопроса о принадлежности куровицкого идиома к ижорскому или водскому языку была также посвящена работа С. Сухонена [Suhonen 1985]. В работе [Markus, Rozhanskiy 2012: 92] предлагается рассматривать его как смешанный идиом с водской морфологией и нижнелужской ижорской лексикой.

Мы собирали полевые материалы по куровицкому идиому и другим прибалтийско-финским (водским, ижорским, финским) говорам Западной Ингерманландии начиная с 1999 года¹, причем проводилось как анкетирование по специальной диалектной анкете, так и запись спонтанной речи. Одной из целей экспедиций в Куровицы являлась проверка встречавшихся в ряде работ [Posti 1980: XIX, Адлер 1966: 118] утверждений, что он является вымершим. Экспедиция 1999 года показала, что в Куровицах продолжал существовать местный прибалтийско-финский идиом, и в речи его носителей продолжали сохраняться особенности, отмеченные предшествующими исследователями как характерные именно для куровицкого. Рассматривая вопрос о принадлежности куровицкого идиома к водским или ижорским говорам, мы можем утверждать, что анализ собранного в 1999–2013 годах материала показал, что более адекватным, на наш взгляд, является подход Маркус и Рожанского. Иными словами, куровицкий идиом корректнее всего описывать не как водский или ижорский диалект, а как смешанный язык, аналогичный, например, так называемому городскому фризскому [van Vree 1994]. Следует, однако, отметить, что куровицкий идиом в том состоянии, в котором он был зафиксирован нами, представляет собой идиолектный континуум, и описание Маркус и Рожанского описывает только часть этого континуума, в то время как другая часть довольно далеко сдвинулась в направлении нижнелужского ижорского говора дер. Орлы.

Целью данной статьи является дать более подробную диалектологическую характеристику куровицкого идиолектного континуума,

¹ Экспедиция 1999 г. была поддержана Фондом полевых исследований, экспедиции 2001–2003 гг. были проведены при поддержке Европейского университета в Санкт-Петербурге.

чем это делают Маркус и Рожанский, а также, опираясь на нее, предложить вероятный сценарий возникновения такого континуума. Это будет своего рода дальнейшим развитием идей Рожанского и Маркус². Далее мы подробно рассмотрим изоглоссы, объединяющие куровицкий идиом с соседними водскими и ижорскими говорами. В выборе изоглосс мы в основном опираемся на те изоглоссы, которые были рассмотрены нами в работе [Муслимов 2005], затрагивающей диалектологию нижнелужского ареала. В отличие от Маркус и Рожанского [Markus, Rozhanskiy 2012], рассматривавших в своей работе морфологические, лексические и фонологические изоглоссы, мы будем касаться, наряду с морфологическими и лексическим изоглоссами, только важных с точки зрения исторической фонетики фонологических изоглосс. С другой стороны, мы уделим особое внимание изоглоссам, связанным с чередованием ступеней, которые не рассматривались Рожанским и Маркус. Кроме того, мы будем учитывать неоднородность нижнелужского ижорского диалекта, в котором можно выделить несколько подгрупп говоров, что не было учтено в работе [Markus, Rozhanskiy 2012]. Среди водских говоров территориально наиболее близким к куровицкому идиому является говор дер. Краколье и Межники. Для него характерно определенное ижорское влияние, в результате которого некоторые характерные для водского языка особенности оказались утрачены. Из ижорских говоров самыми близкими территориально к куровицкому являются говоры дер. Орлы и Волково. Кроме того, к северу от Куровиц на том же (правом) берегу р. Луга ранее существовала дер. Новая, говор которой был близок к говору дер. Остров. Все эти ижорские говоры относятся к нижнелужскому диалекту, причем

² Следует отметить, что указав на асимметрию дистрибуции водских и ижорских черт по уровням языка в куровицком идиоме, Маркус и Рожанский делают оговорку, что квалификация куровицкого идиома как водского или ижорского зависит от того, «whether a researcher considers grammar or vocabulary as the basic language component». С их точки зрения «grammar is more essential for characterising a language, thus we prefer to treat Kukkuzi as a specific Votic variety» [Markus, Rozhanskiy 2012: 92]. С нашей точки зрения, нет никакой необходимости вообще в самом выборе лексики или грамматики как критерия для классификации смешанного идиома. Смешанные языки образуют особый тип контактных языков и не нуждаются в отнесении к одному из своих «языков-родителей». Мичиф не является ни французским, ни кри, и медиа ленгуа — не кечуа и не испанский.

говоры дер. Волково и Орлы относятся к южной подгруппе говоров, а говор дер. Новая относился к северной. Хотя ижорские говоры в долине р. Россонь, а также говор дер. Б. Куземкино значительным числом изоглосс объединяются с другими южными нижнелужскими говорами, существуют и такие изоглоссы, которые объединяют их с северными нижнелужскими ижорскими говорами и финскими нижнелужскими говорами.

Следует также отметить, что в ряде случаев для понимания места куровицкого идиoma на диалектной карте нижнелужского ареала оказывается полезным и привлечение данных водских, ижорских и финских диалектов Западной и Центральной Ингерманландии за пределами нижнелужского ареала. В таких случаях мы будем обращаться к данным сойкинско-ижорского диалекта, центрально-водским говорам, финским говорам прихода Каттила.

Поскольку целью данной статьи является уточнение места куровицкого идиoma среди других языков и диалектов нижнелужского ареала, то далее мы не относим куровицкий идиом ни к водским, ни к ижорским диалектам.

Краткие сведения об упоминаемых в статье диалектах приводятся в Приложении.

2. Куровицкий идиом на диалектной карте нижнелужского ареала

2.1. Куровицко-ижорские изоглоссы (КИ)

В этом разделе мы рассмотрим те изоглоссы, которые объединяют куровицкий с южными нижнелужскими ижорскими говорами и противопоставляют его водскому языку, в первую очередь кракольскому говору. Как мы покажем далее, многие из этих изоглосс характерны также и для сойкинско-ижорского диалекта и/или для некоторых ингерманландских финских говоров. Все примеры из языков и диалектов Ингерманландии мы даем в упрощенной транскрипции, аналогичной использованной авторами «*Vadja keele sõnaraamat*» [Grünberg 2013]. При этом редуцированные гласные нижнелужского ижорского (которые часто реализуются как глухие) передаются прописными буквами как в [Posti 1980], а аффриката *tš* как *č*.

Лексика

1КИ. *Kiuka*³ ‘печь’: эта лексема представлена также в сойкинском ижорском и почти во всех финских диалектах Западной и Центральной Ингерманландии; в водском языке и в отдельных финских говорах прихода Каттила представлена лексема *ahjo*.

2КИ. *MaitU* ‘молоко’, *paitA* ‘рубашка’, *veitsI* ‘ножик’, *iltA* ‘вечер’, *tiitä* ‘знать:Inf’, *muissa* ‘помнить:Inf’ представлены во всех ижорских и финских диалектах; в водском языке им соответствуют лексемы *piim*⁴, *čuutto*, *kuraZ*, *ohtogo*, *täätä*, *mälehtä*. Эти 6 изоглосс точно отделяют ижорские и финские говоры от водских, в отличие от других изоглосс, рассматриваемых в этом разделе, ср., например, с 1КИ и 3КИ.

3КИ. *KissA* ‘кошка’: эта лексема широко представлена во всех финских диалектах и в нижнелужском ижорском, однако в сойкинском ижорском с ней конкурирует лексема *kaži*; в водском языке представлена лексема *katti*.

4КИ. *Hoom(n)ikkU* ‘утро’: этот вариант является, по-видимому, куровицко-нижнелужской изоглоссой. Близкий вариант представлен в водском языке: *oomnikko* [Grünberg 2013: 846], — однако в сойкинском ижорском выступает вариант *hoomuZ-huumuZ*, а в финских ингерманландских диалектах и в некоторых северных нижнелужских ижорских говорах — варианты *aamu*, *uamu*.

5КИ. *Peezaz*⁵ ‘куст’: очень близкий вариант *peesaz*, отличающийся только отсутствием чередования *s/z*, представлен в южных нижнелужских ижорских говорах. Однако в южном нижнелужском ижорском долины р. Россонь и в говоре дер. Б. Куземкино зафиксирована лексема *pehko*, которая характерна и для всех финских диалектов Ингерманландии, и для сойкинского ижорского диалекта. В водском языке присутствуют несколько вариантов:

- а. *Pehko*, по данным словаря [Grünberg 2013: 884], представлен во всех нижнелужских водских деревнях (Краколье, Межники,

³ Здесь и далее мы даем тот фонетический вариант, который представлен в куровицком; в других идиомах возможны небольшие отличия.

⁴ Для водского языка мы приводим в первую очередь вариант, характерный для кракольского говора.

⁵ Именно этот вариант был зафиксирован нами в дер. Куровицы.

- Пески и Лужицы), а также в дер. Маттия, Котлы (центрально-водский ареал) и Иципино (восточно-водский диалект). Этот же вариант зафиксирован в вышеупомянутом словаре и в Куровицах⁶. В наших водских полевых материалах⁷ этот вариант представлен почти у всех информантов.
- b. *Põhko* представлен только в Краколье (фиксируется также и в словаре водского говора дер. Краколье [Tsvetkov 1995: 219]) и в центрально-водской деревне Корветино. В наших материалах он также встретился только у кракольских информантов.
 - c. *PõðzaZ* представлен, по данным словаря [Grünberg 2013: 984], в основном в центрально-водских деревнях, а также в Краколье и Куровицах. В наших материалах этот вариант не встретился ни в Краколье, ни в Куровицах.

Таким образом, в нижнелужском ареале присутствуют два главных варианта: *peesaz* и *pehko*. Первый из них распространен только в куровицком и в ижорских говорах вдоль Луги южнее Куровиц. Второй, помимо Куровиц, отмечен также в ижорских говорах севернее и западнее Куровиц и во всех нижнелужских финских и водских говорах. По-видимому, лексему *peesaz* следует считать относящейся к водской субстратной лексике в южном нижнелужском ижорском, а лексему *pehko* — заимствованием из ижорского языка в нижнелужский водский. Такая ситуация могла возникнуть в том случае, если вариант *pehko* проник в кракольский водский говор сравнительно недавно, о чем свидетельствует и фиксация в этом же говоре старого варианта *põðzaZ*. Вариант же *peesaz* в куровицком мог возникнуть либо в результате фоновой адаптации унаследованной водской лексемы во вновь возникшем смешанном куровицком идиоме, либо в результате заимствования из находящегося южнее говора дер. Орлы. Вариант *pehko*, зафиксированный в куровицком в словаре [Grünberg 2013: 884], мог попасть в куровицкий только с севера из дер. Краколье. Эта изоглосса примечательна тем, что несмотря на то, что в соседних с куровицким ижорских говорах употребляется этимологически водский вариант, а в соседних водских — этимологически ижорский, куровицкий

⁶ В словаре [Grünberg 2013] куровицкий идиом включен в число водских диалектов.

⁷ В наших полевых материалах есть данные только по нижнелужским водским говорам (дер. Краколье, Пески, Лужицы)

оказывается объединенным с нижнелужским ижорским, а не с нижнелужским водским, как это имеет место и для других лексических изоглосс, рассмотренных в этом разделе.

6КИ. Личное местоимение 3Sg *hän*. Этот же вариант господствует и в нижнелужском ижорском, хотя у отдельных информантов в дер. Липово, Лужицы, Хамолово, Б. Куземкино, Ропша, Ванакюля, Волково зафиксирован и вариант *hää*. В водском языке выступает *tämä*, в финских нижнелужских говорах и сойкинском ижорском господствует вариант *hää*, изредка встречается и *hän*. Эта изоглосса объединяет куро-вицкий говор с нижнелужским ижорским диалектом, особенно с его южными говорами по обоим берегам р. Луга.

Историческая фонетика

7КИ. Отсутствие перехода $k > \check{c}$ перед гласными переднего ряда (вод. *čülä* ‘деревня’, ижор. *külä*). Наличие этого фонетического перехода отделяет водский язык (кроме кривинского диалекта) от других прибалтийско-финских языков, в том числе всех ижорских и финских диалектов Ингерманландии. Следует отметить, что в ижорском говоре дер. Межники, в которой ранее говорили и на водском языке, зафиксирована лексема *čimolain* ‘пчела’, которую следует считать относящейся к водской субстратной лексике в ижорском говоре дер. Межники⁸. С другой стороны, Л. Пости считает, что перехода $k > \check{c}$ в старом водском куро-вицком говоре не было, и этот говор вместе с говором предков кривинцев, выселенных в середине XV века в район современного г. Бауска в Латвии, образовывали особый «крайне-западный» (*läntisin*) диалектный ареал водского языка [Posti 1980: XVI–XVII].

8КИ. Сохранение *h* в анлауте (вод. *üvä* ‘хороший’, ижор. *hüvä*). Утрата анлаутного *h* отделяет водский язык и некоторые эстонские диалекты от ижорского и финского языков. Следует отметить, что в водских говорах нижнелужского ареала (Краколье, Пески, Лужицы) и в южных нижнелужских ижорских говорах встречаются и отклонения от этого: Dpo⁹ *avahhun* ‘просыпаться:1Sg:Pres’, Kuk (*h*)*avahtua* ‘просыпаться:Inf’ [Posti 1980: 62], Joe *havattsua* ‘просыпаться:Inf’

⁸ По крайней мере некоторые из родителей наших ижорских информантов из дер. Межники были носителями водского языка.

⁹ Здесь и далее деревни указываются трехбуквенными индексами, список индексов представлен в конце статьи.

[Tsvetkov 1995: 62]. В куровицком встречаются также и гиперкорректные формы, например *hairo* ‘весло’ (ижор., фин. *airo*) [Posti 1980: 53]. Анлаутное *h* в водских говорах встречается чаще всего в деревнях нижнелужского ареала, где оно является результатом влияния ижорского языка.

9КИ. Кластер *dr* в *odrA* ‘ячмень’ представлен в куровицком и во всех говорах нижнелужского ижорского. Во всех финских диалектах Ингерманландии, включая нижнелужский финский, в данной лексеме выступает *tr*, в сойкинском ижорском диалекте и в водском языке представлен кластер *zr* (водск. *ōzrA*, сойк. ижор. *ozra*¹⁰). Лаанест отмечает, что водский вариант возник под влиянием сойкинского ижорского [Лаанест 1966: 53].

10КИ. Анлаут в глаголе *otta* ‘братъ:Inf’. В водском языке ижорскому *o-* в этой лексеме соответствует *võ-* (вод. *võtta*).

Морфонология

11КИ. Чередование ступеней *sk/s~z* характерно для всех ижорских диалектов; в финских ингерманландских диалектах оно менее последовательно [Лаанест 1966: 41]. В водском языке слабоступенным соответствием *sk* является *zg*. Куровицкий идиом в этом отношении оказывается ближе к нижнелужскому ижорскому, однако необычным для ижорского является звонкое *z* как слабоступенное соответствие *sk* (*uskoa* ‘верить:Inf’/ *uzon* 1Sg:Pres).

12КИ. Чередование ступеней *tk/t* (*pitkI* ‘длинный’/ *pited* Nom:Pl) также характерно для всех ижорских диалектов¹¹ и является одной из немногих изоглосс, отделяющих все ижорские диалекты от соседних прибалтийско-финских языков Ингерманландии [Лаанест 1966: 42–43]. В нижнелужском ареале оно было также зафиксировано нами у носителей смешанных ижорско-финских идиолектов в дер. Б. Куземкино и Ванакюля и у единственной представительницы финского говора дер. Волково. В водском языке существует чередование *tk/dg*,

¹⁰ По данным Рожанского и Маркус в сойкинском встречается также и вариант *odra*.

¹¹ Мы рассматриваем полувзвонкие одиночные смычные в сойкинском как глухие и не приводим отдельно сойкинские варианты в тех случаях, когда они отличаются от нижнелужских только наличием полувзвонкого, иными словами, варианты *pata* и *paDa* мы считаем эквивалентными.

в финских диалектах чередование кластера *tk* вообще отсутствует. Куровицкий идиом в этом отношении совпадает с ижорским языком.

13КИ. Чередование *hk/h* (*pehko* ‘куст’/ *pehod* Nom:Pl) характерно для всех ижорских диалектов и для всех финских ингерманландских диалектов, хотя в некоторых из них оно не вполне последовательно. В водском языке ему соответствует чередование *hk/hg*, но в куровицком идиоме ситуация такая же, как и в ижорском.

14КИ. Основа косвенных падежей множественного числа имен на **-eda*. В большей части нижнелужских ижорских и финских говоров основным вариантом такой основы является основа на *-ei*. Помимо этого, нами зафиксированы также случаи стяжения на *-e*, *-i*. Куровицкий идиом в наших материалах представлен вариантами *-ei* и *-ii*, (*valkei-* ~ *valkii-* ‘белый:Pl’). В словаре куровицкого идиома Л. Пости встречаются варианты *-ii*, *-iai*: *pimmiiZ* ‘темный.Iness:Pl’, *ruskii-aita* ‘рыжий.Part:Pl’ [Posti 1980: 373, 440]. Лаанест дает аналогичные примеры для нижнелужского ижорского: *Kot valkeiD* ‘белый:Part:Pl’, *makkiiD* ‘сладкий:Part:Pl’, *Pär valkeiZ* ‘белый:Iness:Pl’, *Joe valkein* ‘белый:Gen:Pl’. В сойкинском ижорском эта основа оканчивается на *-ioi* (*Vii valGioiZ* ‘белый:Iness:Pl’) [Лаанест 1966: 112], однако в наших материалах такие формы были отмечены и в говоре дер. Новая. Ситуация в водском языке более сложная. В центрально-водском ареале эта основа оканчивается на *-õi / -ei ~ -ii* (*valkõi-*, *pehmei-* ~ *pehmii-*) [Ariste 1948: 50], иными словами, ситуация такая же, как и в нижнелужском ижорском, с точностью до сингармонических вариантов. В нижнелужских водских деревнях данная основа зависит от рядности: заднерядный вариант имеет вид *-ai* (*valkai-*) [Маркус, Рожанский 2011а: 298], переднерядный *-ii* (*pehmii-*) [Tsvetkov 1995: 219]. Таким образом, эта изоглосса объединяет нижнелужский ижорский, современный куровицкий и центрально-водские говоры, противопоставляя их нижнелужскому водскому, сойкинскому ижорскому и отчасти куровицкому говору начала XX века, отраженному в словаре Пости.

15КИ. Иллатив единственного числа. В нижнелужском ижорском и нижнелужском финском, а также в куровицком выбор алломорфа иллатива зависит от вида основы, к которой он присоединяется. В основах на краткий гласный в нижнелужском ижорском происходит переход редуцированного гласного в полный и в определенных структурах геминация согласного (*nappU* ‘пуговица’/ *nappu* Ill:Sg, *pata* ‘горшок’/ *patta* Ill:Sg). К основам стяженных имен и имен на **-eda* присоединяется показатель *-ss(E)* (*vene* ‘лодка’/ *venness(E)* Ill:Sg, *valke* ‘белый’/

valkess(E) III:Sg), к односложным основам — показатель *-hV* (*puu* ‘дерево’/ *puuhu* III:Sg). В центрально-водских говорах употребляется показатель *-see/-sõð*, который у слов с основами на краткий гласный может опускаться (*lidna* ‘город’/ *lidnaa(sõð)* III:Sg, *taivaZ* ‘небо’/ *taivaasõð* III:Sg), а у односложных имен может добавляться к показателю *-hVV* (*maa* ‘земля’/ *mahaasõð* III:Sg) [Ariste 1948: 26]. В нижнелужском ареале иллатив образуется по-разному в кракольском и песоцко-лужицком водских говорах. В Краколье показатель *-se/-sõ* присоединяется ко всем именам (*čülä* ‘деревня’, *čüläse* III:Sg), в том числе и к односложным именам после показателя *-hV* (*maa* ‘земля’/ *mahasõ* III:Sg) [Маркус, Рожанский 2011а: 321; 2011b: 90, 91], в то время как в Лужицах этот показатель встречается гораздо реже. В лужицком водском говоре имена с основой на краткий гласный образуют иллатив с помощью геминации согласного, если это возможно (*čülä* ‘деревня’, *čüllä* III:Sg), а у стяженных имен в данном случае выступает нулевой показатель (*vargõz* ‘вор’, *varka* III:Sg). Односложные имена присоединяют показатель *-hhV* (*maa* ‘земля’/ *mahha* III:Sg) [Маркус, Рожанский 2011а: 321; 2011b: 70, 301–302]. В финском диалекте Дубровки *s*-овый иллатив распространен гораздо шире, чем в других прибалтийско-финских говорах Нижней Луи. В частности, он обязателен и для имен с основой на краткий гласный: *tupa* ‘изба’/ *tuppas* III:Sg, при этом обнаруживается специфическая близость с водским кракольским говором, ср. *Suo päähäs* ‘голова:III:Sg’ с вод. *Joe pähäse* и, с другой стороны, ижор., инг. фин. *päähä*. Эта изоглосса примечательна тем, что наиболее близкими к куровицкому оказываются нижнелужский ижорский и нижнелужский финский (кроме говора дер. Дубровка), а не водский, несмотря на то, что она затрагивает морфологию, а не лексику, ср. *раздел 2.2*). При этом отличия между куровицким и любым локальным водским говором затрагивают в основном дистрибуцию по словоизменительным типам похожих показателей.

2.2. Куровицко-водские изоглоссы (КВ)

Здесь мы рассмотрим те изоглоссы, которые объединяют куровицкий с водским, противопоставляя его нижнелужскому ижорскому и нижнелужскому финскому. Следует отметить, что нам, так же как Рожанскому и Маркус, не удалось найти исключительно водско-куровицких лексических изоглосс, поэтому мы начинаем с подраздела «историческая фонетика».

Историческая фонетика

1КВ. Переходы **ks>hs*, **ps>hs* характерны только для всех водских говоров и куровицкого, ср. вод., кур. *uhs* ‘дверь’, *lahs* ‘ребенок’ и н.-луж. ижор. *uks*, *laps*.

2КВ. Переход **st>ss* в идиомах Ингерманландии характерен только для водского языка и куровицкого, однако отсутствует во всех ижорских и ингерманландских финских диалектах, ср. вод. *mussA* ‘черный’, ижор. *musta*. Следует отметить, что гемината *ss* имеет слабоступенное соответствие *s* в водском и куровицком. При этом чередованию подвергается и *ss<*st*, и «исконное» *ss*: *mussA* ‘черный’ <**musta / musaD* Nom:Pl, *püssŪ* ‘ружье’/ *püsŷ* [Posti 1980: 296, 404]. Однако в парадигме куровицкой лексики *kissA* ‘кошка’ (см. п. 3КИ), отсутствующей в водском языке, чередования не происходит [Posti 1980: 161]. Вероятно, отсутствие чередования связано именно с заимствованным характером данной лексики.

3КВ. Гласный *e* в глаголе *mennÄ* ‘идти:Inf’. Вариант с гласным *e* в корне представлен в Ингерманландии только в водском языке и куровицком идиоме. Во всех ижорских и ингерманландских финских диалектах отмечается гласный *ä* (*männä*), хотя в финском литературном языке и значительной части финских диалектов Финляндии представлен именно водско-куровицкий вариант. Следует отметить, что Маркус и Рожанский дают в качестве куровицкого вариант *männä*, что связано с его преобладанием в речи современных носителей куровицкого идиома, и тем самым эта изоглосса, по Маркусу и Рожанскому, оказывается ижорско-куровицкой.

Морфонология

4КВ. Чередование ступеней *k/g* характерно для водского языка, в то время как в ижорском языке *k* обычно чередуется с нулем (после долгого гласного в зиянии возникают глайды *v* или *j*). В куровицком идиоме встречаются оба варианта, ср. *maata* ‘спать’/ *makazin* 1Sg:Impf vs. *hoogAtA* ‘отдыхать’/ *hookan* 1Sg:Pres (ср. с ижор. *maata* и *hoovata*), однако полное выпадение встречается гораздо чаще. Дистрибуция этих вариантов остается неясной. Из других примеров слабоступенного *g* на месте ожидаемого зияния отметим *rookaA* ‘пицца’/ *roogaD* Nom:Pl, *hauki* ‘щука’/ *haugi* (~*havve*) Gen:Sg, *laugaZ* ‘Луга’/ *laukaaZ* Iness:Sg

[Posti 1980: 437, 61, 230]. В наших материалах встретился также один случай сохранения слабоступенного *g* в одном ижорском идиолекте дер. Лужицы: *otan rooganka* ‘со своей пищей’.

5КВ. Чередование ступеней *s/z*: *pesä* ‘гнездо’ / *pezäd* Nom:Pl. Оно также является характерным именно для водского языка, а почти во всех ижорских и во всех ингерманландских финских диалектах отсутствует. В куровицком оно регулярно, в отличие от чередования *k/g*. В наших материалах это чередование было отмечено также в большинстве ижорских идиолектов дер. Лужицы. Эта изоглосса, также как и 4КВ, примечательна тем, что отделяет некоторые лужицкие ижорские идиолекты ото всего остального ижорского языка¹².

6КВ. Основа косвенных падежей личных местоимений 1Sg и 2Sg: *mill(A)* ‘я:Adess’ *sill(A)* ‘ты:Adess’. Такой вариант характерен только для куровицкого идиома и водского языка, во всех ижорских и финских диалектах Ингерманландии представлен варианты *miul*, *siul*.

Морфология

7КВ. Нулевой показатель генитива характерен для куровицкого идиома (*karu* ‘медведь’ / *karu* Gen:Sg, *mäki* ‘гора’ / *mäe* Gen:Sg), водского и эстонского языков. В ижорских диалектах показатель генитива *-n* сохраняется (*kar(h)u* ‘медведь’ / *kar(h)un* Gen:Sg, *mäki* ‘гора’ / *mäen* Gen:Sg). В финских диалектах Ингерманландии он также обычно сохраняется, хотя в некоторых локальных говорах возможно и отпадение. В нижнелужском ареале к таким говорам относится, в частности, говор дер. Дубровка (*karu* ‘медведь’ / *karu* Gen:Sg, *mäki* ‘гора’ / *mäe* Gen:Sg).

8КВ. Показатель элатива *-ss(A)*. Такого рода элатив в Ингерманландии встречается только в водском языке и куровицком идиоме: *Kuk nahkA* ‘кожа:Nom:Sg’ / *nahassA* El:Sg. Во всех ижорских и финских диалектах Ингерманландии выступает показатель *-st(A)*¹³: *Kot külä* ‘деревня:Nom:Sg’ / *küläst* El:Sg.

9КВ. Показатель транслатива *-ss(I)* в Ингерманландии представлен только в водском языке и в куровицком идиоме (*Kuk opet-taja* ‘учитель:Nom:Sg’ / *opettajass* Trans:Sg), а в ижорском языке

¹² По крайней мере некоторые из родителей носителей этих лужицких ижорских идиолектов были водскоязычными.

¹³ В восточном диалекте эстонского языка он также имеет вид *-s* [Pajusalu et al. 2009: 149].

и ингерманландских финских диалектах выступает показатель *-ks(I)*¹⁴: Nar *opettajaks* ‘учитель:Trans:Sg’.

10КВ. Глагольный показатель 3Sg презенса всегда имеет вид *-b* в водском языке и в куровицком идиоме. В ижорском языке и ингерманландских финских диалектах выбор показателя зависит от морфологического класса глагола. В частности, показатель *-p(I)* выступает в глаголах с односложной основой. В глаголах с основой на краткий гласный и в так называемых стяженных глаголах этот показатель отсутствует, ср. вод. *lugõb* ‘читать:3Sg:Pres’, *makkab* ‘спать:3Sg:Pres’, кур. *lueb*, *makkab*, но ижор., фин. *lukkoo*, *makajaa*. Следует отметить, что в южных нижнелужских ижорских говорах в стяженных глаголах sporadически встречается и показатель *-b*. Такие формы были зафиксированы нами в дер. Орлы, Кейкино, Дальняя Поляна и Манновка: Kot *makkab* ‘спать:3Sg:Pres’. Этот показатель есть и в финском говоре дер. Дубровка, однако там он выступает после сильноступенной основы (*antap* ‘дать:3Sg:Pres’). Мягисте отмечает подобные формы в нижнелужских ижорских россонских (южных) говорах для рефлексивных глаголов: *tekehüb* ‘делаться:3Sg:Pres’ [Mägiste 1925: 6–7].

2.3. Изоглоссы, объединяющие куровицкий, водский (хотя бы только его нижнелужские говоры или только кракольский говор) и нижнелужский ижорский (КВИ)

Эти изоглоссы могут охватывать и более широкий круг локальных говоров и почти во всех случаях они отделяют сойкинский ижорский от трех указанных идиомов. В трех случаях эти изоглоссы включают также и сойкинский ижорский, однако противопоставляют куровицкий, кракольский говор водского и нижнелужский ижорский либо центрально-водским говорам (изоглосса 10КВИ), либо некоторым нижнелужским финским говорам (изоглоссы 7КВИ, 14КВИ). Все изоглоссы, рассматриваемые в этом разделе, объединяют куровицкий говор с его северным (водский говор дер. Краколье) и южным (ижорский говор дер. Орлы) соседями. В тех случаях, когда они объединяют почти все водские говоры с нижнелужскими идиомами, их обычно можно считать водскими субстратными чертами в этих идиомах, однако существуют

¹⁴ Параллель этому водско-куровицкому показателю также можно найти в южнoстонских диалектах [Pajusalu et al. 2009: 78].

и специфические нижнелужские изоглоссы, характерные именно для данного ареала и не представленные в диалектах прибалтийско-финских языков Ингерманландии за пределами Нижней Луги.

Лексика

1КВИ. *LautA* ‘стол’, *aukkU* ‘дырка’ представлены в нижнелужском ижорском, куровицком идиоме, а также в водском языках. Во всех финских ингерманландских диалектах им соответствуют лексемы *pöytä* ‘стол’ и *reikä* ‘дырка’, а в сойкинском ижорском — *kanZ* ‘стол’ и *uuttu* ‘дырка’. В нижнелужском ареале нами зафиксированы три лексемы: *aukko* (и вариант *aukkU* у отдельных информантов), *reikä* и *uuttu*. Последняя лексема в наших материалах представлена только в дер. В. Лужицы и восточнее, в сойкинском ижорском, в то время как наиболее распространенной является *aukko*. Она представлена в всех водских нижнелужских говорах, в ижорских говорах долины р. Россонь и вообще в южной части нижнелужского ареала (в том числе и в дер. Федоровка и Дубровка), а также у некоторых информантов в дер. Б. Куземкино, Остров и Новая. Лексема *reikä* распространена в финских деревнях Курголовского полуострова. За его пределами она представлена также у отдельных информантов в дер. Липово, Остров, Новая, Волково, Мундировка, Ропша, М. Куземкино, Б. Куземкино и Калливере. Мягисте также отмечает *reikä* в ижорских россонских говорах [Mägiste 1925: 75]. Лексемы *lautA* и *aukkU* можно считать водским субстратом в нижнелужском ижорском, при этом они не были заимствованы в нижнелужский финский, за исключением отдельных говоров.

2КВИ. *PankI* ‘ведро’, *valo* ‘навоз’, *uhs* ‘дверь’, *rättI* ‘платок’ широко распространены по всему нижнелужскому ареалу. Они представлены во всех нижнелужских ижорских говорах, в водском языке и в куровицком идиоме. При этом они отсутствуют в сойкинском ижорском, где им соответствуют *uhlu*, *tæ*, *ovi*, *kor(vi)luZ*, однако имеются почти во всех нижнелужских финских говорах, а также в финских говорах прихода Каттила¹⁵. Эти лексемы также можно отнести к водскому субстрату, причем в отличие от предыдущего случая они представлены и в ряде финских диалектов Западной Ингерманландии.

¹⁵ *rätti* представлено и в сойкинском ижорском (Рожанский, личное сообщение), однако там его значением является ‘полотенце’. Эта лексема известна также в центрально-ингерманландских финских говорах со значением ‘портянка’.

ЗКВИ. *lustI* ‘красивый’, *kitsI* ‘коза’ характерны именно для нижнелужского ареала, в других частях Ингерманландии они не встречаются. На Нижней Луге они представлены и в ижорских, и в водских, и в финских говорах (за исключением Дубровки). Вариант *kits* имеется также в эстонском языке. К востоку от нижнелужского ареала им соответствует большое количество локальных вариантов: *käppiä, ilosa, iloza, sorja* как соответствие *lusti*; *kilo, kili, kile, voho* как соответствие *kitsi*. Источник лексемы *lustI* неясен, *kitsI* является заимствованием из эстонского языка.

Историческая фонетика

4КВИ. Переходы **nh>n*, **rh>r* характерны в первую очередь для водского и эстонского языков. На большей части нижнелужского ареала представлены варианты без *h*, причем для каждой лексемы характерен свой ареал этого процесса. Мы рассмотрим две лексемы: *van(h)a* ‘старый’ и *kar(h)u* ‘медведь’. В сойкинском ижорском и в финских диалектах Центральной Ингерманландии такое выпадение неизвестно.

Для лексемы *vanha* ареал выпадения охватывает почти всю Нижнюю Лугу, в него не входит только дер. Курголово. В финских деревнях Курголовского полуострова, как правило, встречается и выпадение, и сохранение *h*.

Для лексемы *karhu* ареал выпадения состоит из двух слабо связанных подареалов. Южный подареал включает в себя деревни долины р. Россонь и деревни по Луге выше впадения Россоны в Лугу, в том числе и Куровицы. Северный подареал включает в себя водские деревни Краколье, Пески, Лужицы, Межники и ижорские деревни Новая и отчасти Остров. В Краколье и Лужицах формы с выпадением отмечены и в местных ижорских идиолектах. В дер. Калливере была зарегистрирована и форма с сохранившимся *rh*. По данным Мягисте, такие формы были ранее гораздо более распространены [Mägiste 1925: 48], причем именно у россонских финнов.

Эта черта в нижнелужском ижорском является субстратной водской, а в нижнелужский финский она была впоследствии заимствована из нижнелужского ижорского, о чем свидетельствует разная скорость проникновения вариантов с выпавшим *h*.

5КВИ. Интервокальный *h* в слогах дальше второго выпал в именных словоформах, образованных от гласной основы: *lampaaD* ‘овца:Nom:Pl’,

lampai ‘овца:Part:Pl’. Выпадение отмечено во всех нижнелужских ижорских и финских¹⁶ говорах и в водском языке. В сойкинском ижорском, начиная с переходного говора дер. Косколово, *h* сохраняется: *lamBahia* ‘овца:Part:Pl’¹⁷. Следует отметить, что Поркка отмечал формы без выпадения и в нижнелужском ареале [Porikka 1885: 68–74]. В данном случае в сойкинском ижорском сохраняются более архаичные варианты, в нижнелужском ижорском данная черта может быть как субстратной водской, так и результатом влияния нижнелужского финского.

6КВИ. Переход *ir>er*, например, **kirveZ > kerveZ* ‘топор’, является характерной особенностью всех ижорских диалектов, кроме нижнелужского [Лаанест 1966: 75]. В водском языке он встречается только в восточно-водском диалекте [Kettunen 1986: 138]. В нижнелужском ижорском, тем не менее, есть отдельные слова, в которых этот переход произошел, например, *perti* ‘дом’. В остальных водских говорах и в нижнелужском финском этот переход отсутствует. Ситуация в куровицком идиоме аналогична нижнелужской ижорской. В отличие от изоглоссы 5КВИ, в данном случае мы имеем дело с ижорской инновацией, и отсутствие данного перехода в нижнелужском ижорском может быть как субстратной водской чертой, так и результатом влияния нижнелужского финского.

Морфология

7КВИ. Показатель терминатива *-ssa*¹⁸. В нижнелужском ижорском показатель имеет форму *-ssa*; этот же вариант характерен для водского языка, куровицкого идиома и подавляющего большинства нижнелужских финских говоров (Joe *čülässa* ‘деревня:Term:Sg’, Kuk, Kot *küllässa*). Еще одним вариантом, встречающимся у некоторых финноязычных информантов из дер. Выбье и Конново, является конструкция «иллатив + *ast* ‘до’», которая широко распространена в финских

¹⁶ В Ингерманландии существуют и такие финские диалекты, в которых выпадения в большинстве случаев не произошло, например диалекты приходов Каприо и Тюрё.

¹⁷ В GenSg и NomPl выпадение *h* встречается и в тех говорах, в которых в других падежах выпадения не происходит.

¹⁸ Этот показатель занимает промежуточное положение между падежными аффиксами и послелогами. В частности, подобно послелогам, он не имеет сингармонических вариантов.

диалектах Центральной Ингерманландии: *küllää ast* ‘деревня:Ill:Sg до’. В сойкинском ижорском, наряду с уже упомянутым показателем, широко распространена конструкция «иллатив + *nas(se)* ‘до’»¹⁹: *Ksk iltaa nasse* ‘вечер:Ill:Sg до’, *iltaassaa* ‘вечер:Term:Sg’ [Лаанест 1966: 104; Leppik 1975: 173]. Терминатив на *-ssaa* является специфической для водского языка особенностью, поэтому его тоже можно считать одной из водских субстратных черт в нижнелужском ижорском, из которого она распространилась и на нижнелужский финский.

8КВИ. Показатель комитатива *-ka* представлен в водском и эстонском языках, а также в южных нижнелужских говорах, куровицком идиоме и финском говоре дер. Дубровка: *Kuk veitsekä* ‘нож:Com:Sg’, *majjuka* ‘молоко:Com:Sg’. Следует отметить, что этот же вариант был зафиксирован и в одном смешанном финско-водском идиолекте дер. Раннолово в приходе Каттила. В северной части нижнелужского ижорского, начиная с говора дер. Ропша и включая ижорские идиолекты дер. Лужицы, а также в нижнелужском финском выступает показатель *-nka*: *Pär vellonka* ‘брат:Com:Sg’. Водский показатель отличается от ижорского и финского отсутствием переднерядного варианта *kä*. В сойкинском ижорском выступает конструкция «генитив + *kerä* ‘с’» (*Ksk jauhön kerä* ‘мука:Gen:Sg с’) [Лаанест 1966: 105], ареал этой формы начинается с Верхних Лужиц. Этот вариант представлен также в финском диалекте прихода Каттила. У отдельных финских информантов из дер. Выбье и Конново вместо комитатива выступает конструкция «генитив + *kans* ‘с’», которая широко представлена в финских диалектах Центральной Ингерманландии. Эта черта также является субстратной водской чертой в нижнелужском ижорском.

9КВИ. Показатель сравнительной степени прилагательных *-p* (в косвенных падежах *-pa*) характерен для водского языка: *parõp* ‘лучший:Nom:Sg’/ *parõpa* ‘Part:Sg’/ *parõpõlt* ‘Abl:Sg’. В нижнелужском финском, сойкинском и северных нижнелужских ижорских говорах сравнительная степень образуется при помощи показателя *-mp(I)* (в косвенных падежах *-mmal/-mpa*): *Pär paremp* ‘лучший:Nom:Sg’/ *parempaa* ‘Part:Sg’/ *paremmalt*) ‘Abl:Sg’. При этом в южных нижнелужских говорах в номинативе этот показатель имеет вид *-p*, а в косвенных падежах его алломорфы совпадают с общеижорскими: *Kot parep* ‘лучший:Nom:Sg’/ *parempa* ‘Part:Sg’/ *paremmalt* ‘Abl:Sg’. В куровицком

¹⁹ Этот же послелог представлен в хэвасском и оредежском диалектах ижорского языка.

в номинативе данный показатель имеет вид *-p*, как и в южных нижнелужских говорах, однако в косвенных падежах сильноступенная гласная основа имеет водский вид *-pa*, хотя слабоступенная основа соответствует общеижорской *-mma*: *parep* 'лучший:Nom:Sg' / *parepa* 'Part:Sg' / *paremmAlt* 'Abl:Sg'. Следует отметить, что «северный» показатель *-mp* sporadически может встречаться и у некоторых информантов из южно-нижнелужского ареала. Дистрибуция разных алломорфов данного показателя отражена в Таблице 1.

Таблица 1 Алломорфы показателя сравнительной степени

Table 1. Allomorphs of the comparative degree marker

Идио́м	NomSg	Сильноступенный алломорф в косвенных падежах	Слабоступенный алломорф в косвенных падежах
водский	<i>p</i>	<i>pa</i>	<i>pa</i>
куровицкий	<i>p</i>	<i>pa</i>	<i>mma</i>
южный нижнелужский	<i>p</i>	<i>mpa</i>	<i>mma</i>
прочие ПФЯ Ингерманландии	<i>mp</i>	<i>mpa</i>	<i>mma</i>

Таким образом, куровицкий фактически занимает промежуточное положение между водским и южным нижнелужским, отражая бо́льшую, чем в южном нижнелужском, сохранность водских алломорфов для косвенных падежей.

10КВИ. Личное местоимение 3PI *hüü* отмечено в словаре куровицкого идиома [Posti 1980: 81]. Почти для всех говоров водского языка местоимения 3PI имеет вид *nämä(d)*, однако в кракольском говоре преобладает заимствованное из ижорского местоимение *hüü*. Во всех ижорских диалектах употребляется местоимение *höö~hüü~hüö* с вариантами *hööD~hüüD* [Лаанест 1966: 114], в нижнелужских финских говорах выступает вариант *hüö*, за исключением говора Дубровка, где зафиксирован вариант *nämä*. Эта изоглосса, в отличие от предыдущих, отражает ижорское влияние на один из водских говоров. Вариант дер. Дубровка, вероятно, является заимствованием из водского языка.

11КВИ. Иллатив множественного числа. В нижнелужском ижорском и финском, а также в куровицком идиоме встречается почти исключительно иллатив с показателем *-ss(E)* (*vene* 'лодка' / *venneiss(E)* III:PI). У отдельных информантов зарегистрированы и формы без элемента *s*,

например *Van repoi* ‘лиса:III:Pl’. Такова же ситуация и в кракольском водском говоре, где для всех имен обязателен *-se/-sõ* (*čülä* ‘деревня’ / *čülijse* III:Pl) [Маркус, Рожанский 2011b: 91], а также в центрально-водских говорах [Ariste 1948: 26]. По данным Лаанеста, в сойкинском ижорском диалекте у имен с основой на краткий гласный выступает нулевой показатель (*Vol paDa* ‘горшок’ / *pattoi* III:Pl), а у стяженных имен — показатель *-sse* (*lammaZ* ‘овца’ / *lamBahisse* III:Pl) [Лаанест 1966: 111]²⁰. В переходном сойкинско-нижнелужском говоре дер. Косколово зафиксированы формы нижнелужского типа. Особо следует отметить нижнелужский водский говор дер. Лужицы и Пески, в котором вместо показателя *-se* используется *-je*: *venneje* ‘лодка:III:Pl’, *lampaje* ‘овца:III:Pl’ [Маркус, Рожанский 2011b: 301–302]. При этом в имеющихся у нас материалах по ижорским идиолектам дер. Лужицы, как и в других нижнелужских ижорских говорах, представлен показатель *-sse*: *kotisse* ‘дом:III:Pl’, *patoiss* ‘горшок:III:Pl’. Таким образом, по отношению к данной изоглоссе почти все водские говоры, за исключением песоцко-лужицкого, оказываются близки к нижнелужским финским и ижорским, отличаясь при этом от сойкинского ижорского. По-видимому, такое особое положение водского лужицкого говора — сравнительно недавнее явление.

12КВИ. Паритив единственного числа имен на **-eda*. В нижнелужском ижорском и нижнелужском финском, включая дер. Дубровка, Верхние Лужицы и Косколово, в наших материалах зафиксированы формы с элементом *-t/-d* (*Van, Sut, Nar, Kot valked* ‘белый:Part:Sg’, *Kot, Kuk valkead, Sut valkeatA*), в то время как в сойкинском ижорском — формы без *-t/-d* (*Vol valGijaa, pimijää*) [Лаанест 1966: 99]. В водском языке также выступает паритив с показателем *-ta~-tA~-t*: *valkõata* [Ariste 1948: 50].

13КВИ. Основа косвенных падежей множественного числа имен с основой на краткий гласный. Для нижнелужского ареала в целом характерны два явления:

- а) отсутствие показателя множественного числа *-loi* в тех случаях, когда основа оканчивается на *u, o, ü, ö, i tüttöi* ‘девушка:Part:Pl’, *Kuk karui* ‘медведь:Part:Pl’²¹;

²⁰ В современном сойкинском диалекте *-sse* может встречаться не только у стяженных имен (Рожанский, личное сообщение).

²¹ Показатель *-loi* в большинстве ижорских и ингерманландских финских диалектов может встречаться только с основами на лабиальный гласный, *i* и иногда *e*.

- б) употребление сильноступенной основы множественного числа в косвенных падежах. Следует отметить, что в генитиве, паритиве и иллативе множественного числа сильноступенная основа выступает во всех языках Ингерманландии, поэтому дистинктивным признаком является употребление сильноступенной основы в пространственных падежах за исключением иллатива: *sikkoil* ‘свинья:Adess:Pl’.

Обе эти особенности характерны для всего нижнелужского ижорского, всех говоров нижнелужского финского, кроме говора дер. Дубровка, для куровицкого идиома и для водских говоров дер. Краколье, Межники, Пески и Лужицы. Для сойкинского ижорского характерны слабоступенная основа и наличие показателя *-loi* (Saa *nahoist* ‘кожа:Elat:Pl’, Röl *tüttölöille* ‘девушка:All:Pl’) [Laanest 1986: 106–107]. Данный показатель также нерегулярно встречается в некоторых ижорских идиолектах дер. Лужицы, а также в Верхних Лужицах. Начиная с Косколова, его употребление становится регулярным. Этот же показатель совершенно неожиданно обнаружился в финском говоре дер. Арсия у единственной информантки, представлявшей на момент записи данный говор. В финском говоре дер. Дубровка показатель мн. ч. имеет вид *-lo* < **-loi*, например, *karulo* ‘медведь:Part:Pl’, как во всех ижорских и финских диалектах Ингерманландии за пределами района нижней Луги [Alvre 1971; 1991: 6, 11; Laanest 1986: 110]. Леппик в курголовском нижнелужском финском и Мягисте в ижорских и финских россонских говорах также фиксируют формы без этого показателя, причем в основе множественного числа выступает сильная ступень: *püttiüis* ‘бочка:Iness:Pl’ [Leppik 1975: 162, 187], *säkkist* ‘мешок:El:Pl’ [Mägiste 1925: 37]. Что касается сильноступенной основы в ингерманландских финских диалектах за пределами Нижней Луги, то ареал таких форм захватывает говоры приходов Каттила, Новасолкка, Молосковицы и западную часть прихода Губаницы, то есть те же районы, где вероятно наличие водского субстрата [Муслимов 2009, 2014]. В водском языке за пределами нижнелужского ареала можно наблюдать весьма пеструю картину. Наряду с сильноступенной основой встречается и слабоступенная (*seppiissä* ~ *sepissä* ‘кузнец:El:Pl’), спорадически возможно и употребление показателей *-loi* (дер. Магтия) или *-lai* (дер. Корветино) [Ariste 1948: 43–45]. Формы с показателями *-loi* и *-lai* считаются заимствованными из ижорского языка [Ariste 1948: 45]. Отсутствие показателя *-loi* в нижнелужском ижорском, по-видимому, можно также считать водской субстратной чертой.

14КВИ. Показатель инфинитива в глаголах *saavvA* ‘получать’ и *jäävvÄ* ‘оставаться’. В сойкинском и нижнелужском ижорских диалектах у этих двух глаголов представлен только формант *-vvA*, хотя в хэваском возможны и *-aG* (Syr *saa'aG*) и *-ha* (Knd *saaha*) [Лаанест 1966: 34]. В водском языке преобладающим также является вариант *-vva*, хотя спорадически встречаются и варианты *-ha*, *-aG*, *-ta* [Grünberg 2013: 338, 1101]. Следует, однако, отметить, что в нижнелужских водских говорах представлены только варианты *saavv(A)* и *jäävv(Ä)* [Маркус, Рожанский 2011b: 152–153, 309]. Куровицкий идиом в этом отношении совпадает с нижнелужским и сойкинским ижорским и нижнелужским водским. Вариант *jäähhä*, *saahha* широко представлен в финских диалектах Ингерманландии, в том числе и в нижнелужском (курголовском) финском. Однако для многих нижнелужских финских информантов из дер. Кайболово, Тисколово, Вейно и Конново характерен «водско-ижорский» вариант. Наличие двух вариантов в курголовском финском отмечает также Леппик [Leppik 1975: 43]. Эта изоглосса отражает водскую и ижорскую инновацию, затронувшую только более западные водские и ижорские диалекты, причем остается неясным, какой идиом был ее первоначальным источником.

2.4. Особые случаи (ОС)

В этот раздел мы включили те изоглоссы, которые не дают четкого противопоставления между куровицким идиомом и соседними водскими, ижорскими и финскими диалектами.

1ОС. Форма 3Sg имперфекта стяженных глаголов. В Ингерманландии представлены два варианта: с дифтонгом (*makais* ‘спать:3Sg:Impf’, *putois* ‘падать:3Sg:Impf’) и без дифтонга (*makas*, *putos*). В сойкинском ижорском выступает вариант с дифтонгом, а в водском языке и в нижнелужском финском — без дифтонга. В нижнелужском ижорском преобладают формы без дифтонга, однако в говорах дер. Липово, Верхние Лужицы и Орлы выступают варианты с дифтонгом. Лаанест также отмечает формы с дифтонгом в дер. Орлы (*läkäiZ* ‘говорить:3Sg:Impf’, *makaiZ* ‘спать:3Sg:Impf’) [Лаанест 1966: 128, Laanest 1986: 131]. Для куровицкого идиома, как в наших материалах, так и по данным Лаанеста, характерными являются формы без дифтонга. Эта изоглосса является уникальной в том отношении, что противопоставляет куровицкий не всему южному нижнелужскому ижорскому, а только соседнему говору дер. Орлы.

20С. Форма 3Sg имперфекта глаголов с основой на лабиальный гласный. В Ингерманландии представлены два варианта: с дифтонгом (*küsiüi* ‘спросить.3Sg:Impf’) и без дифтонга (*küsiü*). В сойкинском ижорском представлен тип с дифтонгом, в водском — без дифтонга, а в нижнелужском ижорском — оба варианта. В частности, вариант с дифтонгом был зафиксирован нами в дер. Извоз, Дальняя Поляна, Кейкино, Липово, в ижорском говоре дер. Межники, а форма без дифтонга — в дер. Волково, Новая, Хамолово, в окрестностях Б. Куземкина, в деревнях россонского ареала, в ижорском говоре дер. Краколье. В деревнях Федоровка, Орлы, Манновка, Остров в наших материалах встретились варианты как с дифтонгом, так и без него. В курголовском финском вариант с дифтонгом не был зафиксирован. В куровицком идиоме вариант без дифтонга, по нашим данным, преобладает. Следует отметить, что дистрибуция форм с дифтонгом и без него у Лаанеста несколько отличается от зафиксированной нами: он отмечает формы с дифтонгом и в дер. Волково [Лаанест 1966: 88], в которой нам не удалось зафиксировать таких форм. Мягисте фиксирует подобные формы и в россонских говорах [Mägiste 1925: 93, 95–96]. В целом куровицкий идиом оказывается близок к южным нижнелужским говорам правого берега Луги, занимая вместе с ними промежуточное положение между южными нижнелужскими говорами левого берега Луги, с одной стороны, и водскими и нижнелужскими финскими говорами, с другой стороны. Формы без дифтонга в нижнелужском ижорском могут быть как водскими субстратными, так и результатом влияния нижнелужского курголовского финского.

30С. Показатель имперфекта глаголов с основой на лабиальный гласный в 1 и 2 лице. В Ингерманландии представлены четыре варианта: показатели *-zi*, *-si*, *-i* и нулевой показатель. Наиболее распространенным является показатель *-i*, который широко представлен в финских диалектах Ингерманландии и в сойкинском ижорском. В нижнелужском финском с формами вида *küsüin* ‘спросить:1Sg:Impf’ конкурируют варианты типа *küsüin*. В последнем случае форма имперфекта оказывается омонимична форме презенса. Для водского языка характерен показатель *-zi* (*čüsüzin*). В нижнелужском ижорском конкурируют варианты *-si* и *-i*, причем от одного и того же информанта зачастую можно услышать оба (*küsüin~küsüin*), либо же эти два алломорфа оказываются распределены по разным глаголам. В целом *si*-имперфекты оказываются представлены почти во всех ижорских нижнелужских деревнях за исключением прежних смешанных ижорско-финских деревень Хамолово и М. Куземкино, такие формы имперфекта представлены

также в финском говоре дер. Дубровка. Что касается нижнелужских ижорских говоров Межники и Краколя, то в первом представлен вариант *-si*, а во втором — *-zi*. В нижнелужском ижорском Лаанест фиксирует вариант *-zi* в Краколье, Б. Куземкине и Орлах, вариант *-si* — в Волкове: Joe *sanozin* ‘сказать:1Sg:Impf’, Kot *kutozid* ‘ткать:2Sg:Impf’, Sut *ampusin* ‘стрелять:1Sg:Impf’ [Laanest 1986: 131]. В куровицком идиоме представлен вариант *-zi*, аналогичный водскому. Таким образом, в нижнелужском ижорском алломорф *-si* является заимствованным из водского, хотя и в адаптированной форме, и с нашей точки зрения его следует рассматривать как пример водской субстратной морфологии в нижнелужском ижорском; в пользу этого говорит и фиксация этого варианта в ижорском говоре дер. Межники, вытеснившим местный водский говор²². С другой стороны, куровицкий показатель *-zi* нельзя рассматривать как хороший пример сохранения водской морфологии в смешанном куровицком идиоме, поскольку в данном случае нет яркого контраста между водским и нижнелужским ижорским; особенно показателен тот факт, что Лаанест зафиксировал показатель *-zi* даже в говоре дер. Орлы, южном соседе куровицкого говора.

4ОС. Партитив единственного числа имен с основой на краткий гласный. Показатель партитива *-a/-ä* при добавлении к именной основе мог ассимилироваться с последним гласным основы, образуя долгий гласный (который в ряде говоров затем сократился). В частности, это происходило во всех основах на *-a/-ä*: Kuk *kana* ‘курица:Nom:Sg’,

Таблица 2. Партитив имен с основой на краткий гласный

Table 2. Partitive of short vowel nominal stems

Основа оканчивается на	Основа+показатель партитива			
	<i>иа-тип</i>	<i>оа-тип</i>	<i>и-тип</i>	<i>о-тип</i>
<i>и</i>	<i>иа</i>	<i>оа</i>	<i>и</i>	<i>о</i>
<i>і</i>	<i>іа</i>	<i>еа</i>	<i>і</i>	<i>е</i>
<i>й</i>	<i>йӓ</i>	<i>ӓӓ</i>	<i>й</i>	<i>ӓ</i>
<i>о</i>	<i>оа</i>	<i>оа</i>	<i>о</i>	<i>о</i>
<i>е</i>	<i>еа, іа</i>	<i>еа</i>	<i>е</i>	<i>е</i>
<i>ӓ</i>	<i>ӓӓ</i>	<i>ӓӓ</i>	<i>ӓ</i>	<i>ӓ</i>

²² Две наши ижороязычные информантки из дер. Межники являлись дочерьми Оудекки Фигуровой, одной из водских информанток П. Аристе.

kanna Part:Sg (<*kanna). Либо же он мог сохраняться, иногда оказывая некоторое влияние на гласный основы. Нам встретились 4 типа возможных окончаний (приводятся все типы основ, кроме оканчивающихся на *-a/-ä*):

Территориальное распределение типов:

- а) *u*-тип (**karhua* ‘медведь:Part:Sg’ >> *karru*) распространен в основном в деревнях по Россони (Ванакуля, Калливере, Волково), на левом берегу Луги, как в ижорских, так и в финских деревнях, на Курголовском полуострове, включая дер. Хамолово, но исключая дер. Липово, а также в дер. Дубровка;
- б) *o*-тип (*karro*) представлен в дер. Ванакуля и в деревнях выше дер. Федоровка (Кейкино, Дальняя Поляна, Извоз, Орлы, Манновка), спорадически также и в дер. Куровицы и Б. Куземкино;
- в) *ua*-тип (*karrua*) преобладает в приморских водских и ижорских деревнях (Липово, Остров, Краколье, Межники, Пески, Лужицы), а также в дер. Куровицы и Орлы. Следует отметить, что в водских говорах при образовании форм партитива возможны переходы *eä* > *iä*, *öa* > *ia*, *oa* > *ua* [Маркус, Рожанский 2011b: 66; Ariste 1948: 51–52].
- д) *oa*-тип (*karroa*) представлен только в дер. Новая и отчасти в дер. Остров. Следует отметить, что в [Лаанест 1966: 89–90; Laanest 1986: 99] для деревень нижнелужского ареала отмечены только *u*-тип и *ua*-тип. При этом *ua*-тип представлен шире, чем в наших материалах: помимо приморских деревень, он отмечен Лаанестом в дер. Куровицы, Орлы, Волково и Кейкино. С другой стороны, в дер. Ванакуля *o*-тип отмечен Мягисте [Mägiste 1925: 91] и Аристе [Ariste 1968–1969]. У Леппик для курголовского финского отмечен только *u*-тип [Leppik 1975: 134, 140], так же как и у Мягисте для россонских говоров [Mägiste 1925: 36, 87].

Таким образом, по отношению к этой изоглоссе куровицкий идиом оказывается переходным говором между северными и южными нижнелужскими ижорскими, причем более распространенным в нем оказывается вариант, характерный для северного нижнелужского и водского.

50С. Вытеснение старой формы 3Р1 глаголов формами имперсонала. В [Markus, Rozhanskiy 2012: 82] эта изоглосса рассматривается как противопоставляющая нижнелужские водские и ижорские говоры и куровицкий идиом сойкинскому ижорскому и центрально-водским говорам, причем в нижнелужском ижорском старые формы еще встречаются. В наших полевых материалах по различным говорам

нижнелужского ижорского окказиональное вытеснение старых форм формами имперсонала доминирует, однако в большинстве говоров старые и новые формы конкурируют, и старые формы частично сохраняются. Кроме того, в материалах Лаанеста, относящихся к 50–60 годам XX века, также представлены оба варианта, например, Joe *tullood* ‘приходить:3Pl:Pres’, *läätää* ‘говорить:3Pl:Pres, Impers:Pres’, Pär *ellääd* ‘жить:3Pl:Pres’, Kot *männää* ‘идти:3Pl:Pres, Impers:Pres’. Более того, старую форму 3Pl Лаанест фиксирует даже в самом куровицком говоре: Kuk *läkävät* ‘говорить:3Pl:Pres’ [Лаанест 1966: 122]. С другой стороны, в сойкинском диалекте возможность употребления имперсонала вместо 3Pl отмечает уже Поркка: *höö tulla* ‘они приходят’ [Porkka 1885: 92] Таким образом, в данном случае речь идет о процессе, происходившем совсем недавно, и данная изоглосса для реконструкции генезиса куровицкого идиома нерелевантна.

2.5. Уникальные черты куровицкого идиома (У)

Здесь мы рассмотрим три такие черты, которые выделялись другими исследователями.

1У. Сильная палатализация и аффрикатизация *t* перед *i* и *ü* [Posti 1980: 537–543, Kettunen 1915: 166]. Эта черта отмечалась рядом исследователей еще в первой половине XX века, однако в наших материалах такого рода сильной палатализации и аффрикатизации *t* именно в куровицком не было зафиксировано. По данным Кузнецовой, в нижнелужских ижорских говорах сильная палатализация представлена в южных нижнелужских говорах и в северных говорах дер. Липово и Остров, в то время как в северных говорах дер. Хамолово и дер. Новая она практически отсутствует, равно как и в ижорских говорах в районе Краколя. В нижнелужском водском и нижнелужском финском палатализация также отсутствует, а в куровицком она все же есть [Кузнецова 2009: 209–210]. Таким образом, не приходится говорить о палатализации как уникальной черте именно куровицкого идиома.

2У. Презенс имперсонала на *-ttAZ/-ttÄZ* [Posti 1980]. В сойкинском и нижнелужском ижорском и в большинстве финских диалектов Ингерманландии презенс имперсонала образуется с помощью показателя *-taa/-ttaa*. Этот показатель для большинства типов глаголов фузионно сливается с основой, причем получающаяся словоформа обычно отличается от формы 1-го инфинитива только долготой конечного

гласного *a*: *pessä* ‘мыть:Inf’/ *pessää* Impers:Pres, *tulla* ‘приходить:Inf’/ *tullaa* Impers:Pres, *maata* ‘спать:Inf’/ *maataa* Impers:Pres. В целом образование формы презенса имперсонала в подавляющем большинстве ижорских и финских диалектов Ингерманландии можно описать следующим образом: 1) у одноосновных глаголов с основой на краткую гласную данная форма образуется от слабоступенного варианта основы с помощью показателя *-taa/-ttaa*: *antaa* ‘дать:Inf’/ *annetaa* Impers:Pres; 2) у всех остальных глаголов презенс имперсонала на поверхностном уровне образуется путем удлинения конечного гласного в форме инфинитива. В центрально- и восточно-водских говорах показатель презенса имперсонала фузионно сливается с основой для всех типов глаголов, в том числе и у глаголов с основой на краткий гласный, у которых данный показатель присоединяется к сильноступенной, а не слабоступенной основе. При этом изменения, происходящие на морфемном шве, являются точно такими же, как и в случае присоединения показателя инфинитива. Приведем примеры форм презенса имперсонала в говоре дер. Котлы: *õssaa* ‘купить:Inf’/ *õssaassa* Impers:Pres; *pesä* ‘мыть:Inf’/ *pesässä* Impers:Pres, *jutõlla* ‘говорить’/ *jutõllassa* Impers:Pres, *irmuta* ‘бояться:Inf’/ *irmutassa* Impers:Pres [Ariste 1948: 98, 104–106]. В силу этого на поверхностном уровне образование формы презенса имперсонала можно описать как добавление особого форманта *-ssa* к форме инфинитива, причем это справедливо для всех типов глаголов, в отличие от ижорских и финских диалектов. В водском языке в разных говорах употребляются разные форманты, присоединяющиеся к форме инфинитива. Аристе [Ariste 1948: 82–83] упоминает такие варианты: *-ssee/-ssõõ* (дер. Пондилово), *-see/-sõõ* (восточно-водский диалект), *-ssa/-ssä* (окрестности дер. Котлы), *-Z/-se/-sõ* (дер. Маттия). В Краколье и других нижнелужских водских деревнях употребляется «ижорский» показатель *-ta/-tä*, который ведет себя точно так же, как в ижорском языке. Куровицкий показатель *-ttaz* выглядит как комбинация двух показателей, ижорского и водского, не совпадая ни с одним из них, при этом он присоединяется к слабоступенной основе: *anta* ‘дать:Inf’/ *annEttAz* Impers:Pres. Этот показатель присоединяется только к глаголам с основой на краткий гласный. Для всех других типов глаголов презенс имперсонала образуется на поверхностном уровне от формы инфинитива с помощью форманта *-z*. Этот формант присоединяется к форме инфинитива глаголов с односложной основой на долгий гласный (*süüvvÄz* ‘есть:Impers:Pres’), а также к глаголам с согласной основой на *-h* (*tehÄz* ‘делать:Impers:Pres’), на сонорный (*tullAz*

‘приходить:Impers:Pres’, *pannAz* ‘положить:Impers:Pres’) и на *-s* (*joossAz* ‘бежать:Impers:Pres’). Аналогичная форма зафиксирована и в [Posti 1980: 524]. Таким образом, по крайней мере для некоторых глаголов форма презенса имперсонала в куровицком идиоме оказывается совпадающей с формой из водского говора дер. Маттия. В *Таблице 3* мы сравниваем способы образования имперсонала в ижорском, водском и куровицком, в качестве образца взяты глаголы *lukkia* ‘читать’ и *juvva* ‘пить’. Ижорские и куровицкие примеры взяты из наших материалов, центрально-водские цитируются по [Ariste 1948: 93, 98].

Таблица 3. Образование презенса имперсонала

Table 3. Formation of the present tense of the impersonal

	глаголы с основной на краткий гласный		прочие глаголы	
	инфинитив	презент имперсонала	инфинитив	презент имперсонала
ижорский, дер. Ванакюля	<i>lukke</i>	<i>lueta</i>	<i>juvva</i>	<i>juvva</i>
куровицкий	<i>lukkia</i>	<i>luettaAz</i>	<i>juvva</i>	<i>juvvaAz</i>
водский, дер. Котлы	<i>lukõa</i>	<i>lukõassa</i>	<i>juvva</i>	<i>juvvaassa</i>

Следует отметить, что нижнелужские водские говоры по способу образования данной формы совпадают с ижорским языком и тем самым куровицкий говор образует своего рода анклав.

3У. Лексема *zabora* ‘забор’. В работе [Маркус, Рожанский 2007] в отличие от более поздней работы [Markus, Rozhanskiy 2012] эта лексема была выделена как характерная именно для куровицкого, противопоставляющая его другим нижнелужским идиомам. В наших полевых материалах, однако, она была зафиксирована и в других деревнях нижнелужского ареала, а лексема *aitA* опознавалась некоторыми куровицкими информантами. В словаре куровицкого идиома зафиксирован вариант *aitA* [Posti 1980: 4], а вариант *zabora* отсутствует. По-видимому, в данном случае мы имеем дело либо с переключением кодов, либо с проявлением аттриции на лексическом уровне. В обоих случаях данную лексему следует рассматривать как русскую вставку в куровицкую речь.

Таким образом, из данных трех уникальных черт куровицкого идиома действительно уникальным следует считать только показатель презенса имперсонала. При этом у части глаголов его форма совпадает

с аналогичным показателем в водском говоре дер. Маттия. Для других глаголов он может быть интерпретирован как пример контаминации водского и ижорского показателей.

3. Возникновение «традиционного» куровицкого идиома

В данном разделе под «традиционным куровицким идиомом» мы понимаем то состояние куровицкого идиома, которое представлено в словаре [Posti 1980] и отражено в текстах, опубликованных П. Аристе во второй половине XX века [Ariste 1962, 1974, 1977, 1979, 1982]. Идиолекты наиболее консервативных из наших информантов также могут быть охарактеризованы как «традиционный куровицкий». Развивая идеи Рожанского и Маркус и опираясь на анализ, проделанный выше, мы можем предложить вероятный сценарий развития языковой ситуации в дер. Куровицы в прошлом.

Процесс возникновения традиционного куровицкого идиома можно условно разделить на два этапа. На первом этапе происходило формирование нижнелужского ижорского диалекта. На наш взгляд, независимо от того, считать ли влияние водского языка на нижнелужский ижорский адстратным или субстратным, это влияние обусловило появление в формирующемся нижнелужском диалекте довольно большого числа черт, характерных для водского языка. Некоторые из таких черт были рассмотрены нами в *разделе 2.3*. Водский язык оказал влияние на лексику (черты 1КВИ, 2КВИ *раздела 2.3*), фонетику (черты 4КВИ, 5КВИ, 6КВИ), морфологию (черты 7КВИ, 8КВИ, 12КВИ, 13КВИ). В некоторых случаях водские черты заимствовались частично (образование компаратива, черта 9КВИ) или же взаимное влияние водского и ижорского носило более сложный характер. В результате такого влияния в некоторые водские говоры проникали отдельные ижорские особенности (черта 11КВИ). При этом некоторые из общих нижнелужско-куровицко-кракольских изоглосс нельзя связать с водским влиянием (черты 3КВИ, 10КВИ, 14КВИ). В этот период в Куровицах продолжал существовать старый водский говор²³, в котором, однако, могли

²³ Этот старый водский недокументированный куровицкий говор не следует смешивать с описанным в цитированных выше работах традиционным куровицким

быть и некоторые важные отличия от других водских говоров, в частности, отсутствие перехода $k > \check{c}$, см. выше изоглоссу 7КИ. Это же утверждение можно сделать и о тех водских говорах по берегам Луги, которые на этом этапе были вытеснены ижорским языком.

На втором этапе исходный незадокументированный водский куро-вицкий говор подвергался влиянию южных говоров нижнелужского ижорского, что привело к проникновению в него черт, характерных для ижорского языка и нехарактерных для водского, некоторые из которых были рассмотрены нами в *разделе 2.1*. Ижорский язык оказал влияние на лексику (черты 1КИ — 6КИ *раздела 2.1*), фонетику (черты 7КИ — 10КИ) и морфонологию, в частности на чередование ступеней (черты 11КИ — 13КИ) и на выбор алломорфов (черты 14КИ, 15КИ). При этом куро-вицкий сохранил ряд черт, общих с водским языком. К таким чертам относятся и те особенности, которые были заимствованы в южный нижнелужский из водского (черты 1КВИ, 2КВИ, 4КВИ — 8КВИ, 13КВИ, вероятно также 11КВИ и 12КВИ *раздела 2.3*). В отношении черты 9КВИ (образование компаратива) можно сказать, что нижнелужский ижорский оказал влияние только на слабоступенный алломорф, в то время как сильноступенный алломорф остался «водским». Особенности, которые относятся к водским архаизмам в куро-вицком, были рассмотрены нами в *разделе 2.2*. Они затрагивают фонетику (черты 1КВ — 3КВ *раздела 2.2*), морфонологию, в том числе чередование ступеней (черты 4КВ и 5КВ) и выбор алломорфа основы (черта 6КВ), морфологию (черты 7КВ — 10КВ). Если принять точку зрения Л. Пости об отсутствии перехода $k > \check{c}$ в куро-вицком, то тогда черта 7КИ является просто общим архаизмом куро-вицкого и нижнелужского ижорского.

Что касается изоглосс со сложным географическим распределением (*раздел 2.4*), то они также могут быть проинтерпретированы как «водские архаизмы в куро-вицком». Форма 3Sg имперфекта стяженных глаголов без дифтонга противопоставляет почти все нижнелужские говоры говору дер. Орлы. Последний, таким образом, можно считать сохранившим ижорскую инновацию и не подвергшимся в этом отношении водскому влиянию. Куровицкий сохраняет положение вещей, характерное для водского. Форма 3Sg имперфекта глаголов с основой на лабиальный гласный в куро-вицком также в основном сохраняет водскую форму без дифтонга, при этом в южном нижнелужском «ижорские»

говором, который частью исследователей считается особым водским диалектом, а нами рассматривается как смешанный водско-ижорский идиом.

формы с дифтонгом и «водские» без дифтонга конкурируют. В формах 1 и 2 лица имперфекта глаголов с основой на лабиальный гласный куровицкий использует тот же алломорф *-zi*, что и водский. Южный нижнелужский ижорский вариант *-si* хотя и был заимствован из водского, отличается от водского показателя фонетически. Наконец, нестянувшиеся формы партитива также являются общими для водского языка и куровицкого идиома, область их распространения охватывает северо-восток нижнелужского ареала, а стяженные формы тем самым являются нижнелужской инновацией, распространяющейся с запада и юга.

Подводя итоги, можно сказать, что нижнелужское влияние на куровицкий проявлялось в основном на лексическом уровне, в то время как на морфологическом уровне сохранялись «водские архаизмы», хотя в отдельных случаях (изоглоссы 14КИ, 15КИ) имели место сложные взаимные влияния языков и говоров нижнелужского ареала. На фонетическом уровне нижнелужское влияние носило частичный характер (изоглосса 8КИ), которое также можно объяснить релексификацией, при которой заимствовались конкретные лексемы с начальным *h*. Для системы чередования ступеней характерно скорее преобладание ижорского влияния, хотя в куровицком сохранились чередования «водского» типа *k/g* и *s/z*. Примечательно, что именно эти два чередования частично сохраняются и в ижорских идиолектах дер. Лужицы.

Куровицкий имперсонал также может быть проинтерпретирован как пример сохранения водского форманта *-z*, который у части глаголов присоединяется не к форме инфинитива, как это имеет место в центрально-водских говорах, а к «ижорской» форме имперсонала, характерной также для нижнелужских водских говоров.

Асимметрия в распределении водских и ижорских черт по разным уровням этого идиома, вероятно, может быть объяснена асимметрией в степени престижности этих двух языков в период возникновения куровицкого идиома. В таких смешанных языках, как городской фризский [van Bree 1994] или медиа ленгуа [Muysken 1997], словоизменительные показатели были унаследованы из фризского и кечуа соответственно, в то время как лексика была заимствована из голландского и испанского, иными словами, из более престижных языков. Обратное распределение лексики и морфологии встречается в смешанных цыганских языках (параромани) [Boretzky, Iglá 1994], в которых лексика унаследована из цыганского, а морфология — из доминирующего языка. Однако параромани имеют специфическую сферу употребления — они использовались как тайные языки. Поскольку отсутствуют упоминания

об использовании куровицкого идиома как тайного языка в первой половине XX века, более вероятна возможность возникновения его по модели городского фризского или медиа ленгуа. Более престижный нижнелужский ижорский диалект не вытеснил водский язык в Куровицах полностью, вместо этого произошла релексификация. В пользу именно такого сценария, на наш взгляд, говорит и наличие идиолектного континуума в Куровицах, рассматриваемое далее.

4. Современное состояние куровицкого идиома

В начале XXI века в дер. Куровицы продолжали говорить на местном идиоме (вопреки утверждениям об исчезновении куровицкого в [Адлер 1966, Posti 1980]), однако в речи его носителей наблюдалась бóльшая вариативность, чем в «традиционном куровицком идиоме».

Мы приведем данные по идиолектам семи информантов (собственно куровицкие варианты выделены жирным курсивом):

Таблица 4. Куровицкие идиолекты²⁴

Table 4. Kukkuzi idiolects

Изоглосса	№	ЛПГж	ВВВм	ИИГм	АМПж	ЛДМж	МПНж	КЕВж
*ps	1KB	<i>hs</i>	<i>hs</i>	<i>hs, ps</i>	<i>hs, ps</i>	<i>hs, ps</i>	<i>ps</i>	<i>ps</i>
*ks	1KB	<i>hs</i>	<i>hs</i>	<i>hs, ks</i>	<i>hs, ks</i>	<i>hs, ks</i>	<i>hs</i>	<i>ks</i>
*st	2KB	<i>ss</i>	<i>ss, st</i>	<i>ss</i>	<i>ss</i>	<i>ss, st</i>	<i>st</i>	<i>st</i>
men-/män-	3KB	<i>men-</i>	<i>men- män-</i>	<i>men- män-</i>	<i>men- män-</i>	<i>men- män-</i>	<i>men- män-</i>	<i>men- män-</i>
mill/miul	6KB	<i>mill</i>	<i>mill miul</i>	<i>mill miul</i>	<i>mill miul</i>	<i>mill miul</i>	<i>mill miul</i>	<i>mill</i>
генитив	7KB	<i>-ø</i>	<i>-ø</i>	<i>-ø, -n</i>	<i>-ø, -n</i>	<i>-ø, -n</i>	<i>-ø, -n</i>	<i>-ø</i>
элатив	8KB	<i>-ssA</i>	<i>-ssA, -st</i>	<i>-ss</i>	<i>-ssA, -st</i>	<i>-ss, -st</i>	<i>-st</i>	<i>-st</i>
транслатив	9KB	<i>-ssi</i>	<i>-ssi</i>	<i>-ssi</i>	<i>-ssi, -ks</i>	<i>-ssi, -ks</i>	<i>-ssi, -ksi</i>	<i>-ks</i>
имперсонал	2У	<i>-ttaz</i>	<i>-ttaz</i>	<i>-ttaz</i>	<i>-ttaz, -ta</i>	<i>-ttaz, -ta</i>	<i>-ta</i>	<i>-ta</i>
3Sg:Pres	10KB	<i>-b</i>	<i>-b</i>	<i>-b, -ø</i>	<i>-b, -ø</i>	<i>-b, -ø</i>	<i>-b, -ø</i>	<i>-ø</i>

²⁴ Приводятся инициалы информантов, а также их пол.

Следует отметить, что мы приводим здесь только те варианты, которые зафиксированы в наших полевых материалах, а реальная вариативность в некоторых случаях могла быть и более значительной. При этом одни информанты предпочитали куровицкие формы, другие — формы, которые они относили к говору находящейся южнее дер. Орлы. Приведем несколько примеров из речи информантки АМПЖ (подчеркнуты те фрагменты, которые отличаются в куровицком и нижнелужском ижорском, подстрочные индексы указывают на куровицкий (к) или ижорский (и)):

- (1) *miu_и-l on kolt poika, jo ühs_к*
 я-ADESS быть.3SG три сын.PART.SG уже один
näd makka-b_к praikus.
 INT спать-3SG сегодня
 ‘У меня три сына, уже один, видишь, спит сегодня’.
- (2) *miu_и-n_и isä i naapuri tulloo_и,*
 я-GEN отец и сосед приходить.3SG
ote-ta_и hango-d kätte
 брать-IMPERS вилы-NOM.PL рука.ILL
 ‘Мой отец и сосед приходят, берут вилы в руки’.
- (3) *oottele-mm kons tu_к-b_к mašina*
 ждать-1PL когда приходить-3SG машина
 ‘Ждем, когда придет машина’.

В целом для этой информантки характерно преобладание в речи собственно куровицких вариантов, хотя почти для всех изоглосс в ее речи встречались и ижорские соответствия. С другой стороны, для речи информантки КЕВЖ характерная невысокая вариативность и преимущественное употребление собственно нижнелужских ижорских, а не куровицких форм, хотя в ее идиолекте сохраняются и отдельные следы куровицкого, например, генитив с нулевым окончанием.

Как уже было показано в *Разделе 2*, куровицкий и южный нижнелужский ижорский различаются в основном некоторыми глагольными и именными аффиксами и отчасти фонетически. И если сам куровицкий идиом можно рассматривать как результат релексификации прежнего недокументированного водского говора, то в настоящее время мы можем наблюдать у части куровицких информантов постепенную потерю морфологических особенностей и местного идиома, иными словами, своего рода «реморфологизацию» (по аналогии

с релексификацией). В будущем (при условии, что в Куровицах продолжали бы говорить на местных прибалтийско-финских языках) она могла бы привести к завершению языкового сдвига в сторону нижнелужского ижорского.

Приложение. Диалектное членение нижнелужского ижорского и соседних идиомов

Нижнелужский диалект ижорского языка неоднороден, и говоры даже соседних деревень могут заметно отличаться друг от друга. Несколько упрощая реальную картину, нижнелужские ижорские говоры можно поделить на северные и южные, граница между которыми проходит по р. Россонь.

Южные говоры довольно близки друг к другу, однако и среди них можно выделить подгруппы говоров. Таких подгрупп можно выделить три: говоры левого берега р. Луга (дер. Кейкино, Дальняя Поляна, Извоз), говоры правого берега (дер. Манновка и Орлы), говоры на р. Россонь (дер. Ванакюля и Волково). В дер. Калливере и Федоровка ижоры составляли меньшинство, и их идиолекты подверглись сильному финскому влиянию.

Северные говоры различаются между собой гораздо сильнее, фактически у говора каждой деревни существует свой собственный набор изоглосс, отделяющих его от соседних говоров. Можно выделить говоры следующих деревень: Ханике, Ропша, Б. Куземкино, М. Куземкино, Новая, Остров, Липово, Хамолово. Особую группу образуют ижорские говоры тех деревень, где говорят (или говорили по крайней мере в 90-х годах XX века) на водском языке — Краколье, Лужицы, Пески и Межники. Часть изоглосс сближает говоры Ропши и Б. Куземкина с южными говорами, а говор дер. Липово — с сойкинским диалектом ижорского языка. Следует отметить, что в XIX веке в Ханике, Ропше, Б.Куземкине, М. Куземкине, Хамолове наряду с ижорами проживали и ингерманландские финны.

В следующих таблицах мы даем сведения по изоглоссам, рассмотренным выше. С целью сделать их более компактными мы сгруппировали упоминаемые в статье локальные говоры в 7 групп: нижнелужский финский (НЛФ), южный нижнелужский ижорский (ЮНЛИ), северный нижнелужский ижорский (СНЛИ), нижнелужский водский

(НЛВ), центральный водский (ЦВ), сойкинский ижорский (СИ), ку-ровицкий (Ку). В некоторых случаях в столбце «нижнелужский финский» приводятся также сведения о финских говорах прихода Каттила (КА). В случае необходимости в соответствующей клетке таблицы дается подробная информация по говорам отдельных деревень. Первым приводится вариант, наиболее распространенный в данной группе говоров, для менее распространенных указываются деревни, в которых данный вариант был зафиксирован. В некоторых случаях могут встречаться нерегулярные соответствия между разными идиомами, например *čimolain* ‘пчела’ в ижорском говоре дер. Межники представляет собой единичный пример соответствия ижор. *č* — вод. *č*. Такие варианты подчеркнуты и взяты в скобки.

Таблица 5. Куровицко-ижорские изоглоссы
Table 5. Kukkuzi-Ingrian isoglosses

	НЛФ	ЮНЛИ	СНЛИ	НЛВ	ЦВ	СИ	Ку
1КИ	печь <i>kiukkaa</i> <i>ahjo</i> (Suo, KA)	<i>kiuka</i>	<i>kiukkaa</i>	<i>ahjo</i>	<i>ahjo</i>	<i>kiukkaa</i>	<i>kiuka</i>
2КИ	молоко <i>maito</i>	<i>maitU</i>	<i>maito</i>	<i>piim(Ä)</i>	<i>piimä</i>	<i>maito</i>	<i>maitU</i>
3КИ	кошка <i>kissa</i>	<i>kissA</i>	<i>kissa</i>	<i>katti</i>	<i>katti</i>	<i>kaži</i> <i>kissa</i>	<i>kissA</i>
4КИ	утро <i>aamu</i>	<i>hoomikkU</i> <i>oornikko</i> (DPO)	<i>aamu</i> <i>hoomikkU</i> (Nar, Tak, Lau)	<i>oornikko</i>	<i>oornikko</i>	<i>hoomuZ</i>	<i>hoomikkU</i>
5КИ	куст <i>pehko</i>	<i>peesAz</i> <i>pehko</i> (Van, Sut)	<i>pehko</i>	<i>pehko</i> <i>põhko</i> (Joe) <i>? põdzaZ</i> (Joe)	<i>põdzaZ</i> <i>pehko</i> (Mat, Kat) <i>põhko</i> (Kor)	<i>pehko</i>	<i>peesAz</i> <i>? põdzaZ</i>
6КИ	он <i>hää</i> <i>hän</i> (Suo)	<i>hän</i> <i>hää</i> (Van, Sut)	<i>hän</i> <i>hää</i> (Luu, Ham, Pär, Nar, Rop)	<i>tämä</i>	<i>tämä</i>	<i>hää</i> <i>hän</i>	<i>hän</i>
7КИ	<i>k</i> сохр. — <i>k</i> <i>k>č</i> — <i>č</i>	<i>k</i>	<i>k</i> (<i>č</i>) (Raj)	<i>č</i>	<i>č</i>	<i>k</i>	<i>k</i>
8КИ	<i>h-</i> сохр. — <i>h</i> <i>h-</i> отпад. — <i>ø</i>	<i>h</i> (<i>h</i>)	<i>h</i>	<i>ø</i> (<i>h</i>)	<i>ø</i>	<i>h</i>	<i>h</i> (<i>ø</i>)

Таблица 5. Куровицко-ижорские изоглоссы (продолжение)
 Table 5. Kukkuzi-Ingrian isoglosses (continued)

	НЛФ	ЮНЛИ	СНЛИ	НЛВ	ЦВ	СИ	Ку
9КИ	<i>odrA — dr</i> <i>ozra — zr</i> <i>otra — tr</i>	<i>dr</i>	<i>dr</i> <i>zr (Luu)</i>	<i>zr</i>	<i>zr</i>	<i>zr</i> <i>(<u>dr</u>)</i>	<i>dr</i>
10КИ	<i>otta — o</i> <i>võtta — õ</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>õ</i>	<i>õ</i>	<i>o</i>	<i>o</i>
11КИ	<i>sk/z — z</i> <i>sk/s~Z — s</i> <i>sk/zg — zg</i>	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>zg</i>	<i>zg</i>	<i>s</i>	<i>z</i> <i>s</i>
12КИ	<i>tk/t~D — t</i> <i>tk/dg — dg</i> <i>tk/tk — tk</i>	<i>t</i>	<i>t</i>	<i>dg</i>	<i>dg</i>	<i>t</i>	<i>t</i>
13КИ	<i>hk/h — h</i> <i>hk/hg — hg</i>	<i>h</i>	<i>h</i>	<i>hg</i>	<i>hg</i>	<i>h</i>	<i>h</i>
14КИ	основа РІ имен на *- <i>eda</i>	<i>-ei</i> <i>-ii</i>	<i>-ei</i> <i>-ii</i>	<i>-ai</i> <i>-ii</i>	<i>-õi</i> <i>-ei</i> <i>-ii</i>	<i>-ioi</i>	<i>-ei</i> <i>-ii</i> <i>-tai</i>
15КИ	показатель ПISg у имен 3 типов: 1) <i>pata</i> 2) <i>vene</i> 3) <i>puu</i>	1) <i>ø</i> 2) <i>-sse</i> 3) <i>-hV</i> Suo: 1), 2) <i>-s</i> 3) <i>-hV's</i>	1) <i>ø</i> 2) <i>-sse</i> 3) <i>-hV</i>	1), 2) <i>-se</i> 3) <i>-hV'se</i> Luu: 1), 2) <i>ø</i> 3) <i>-hhV</i>	1) <i>(-see)</i> 2) <i>-see</i> 3) <i>-hV'see</i>	1) <i>ø</i> 2) <i>-sse</i> 3) <i>-hV</i>	1) <i>ø</i> 2) <i>-ssE</i> 3) <i>-hV</i>

Таблица 6. Куровицко-водские изоглоссы
Table 6. Kukkuzi-Votic isoglosses

	НЛФ	ЮНЛИ	СНЛИ	НЛВ	ЦВ	СИ	Ку
1КВ	* <i>ks</i> > <i>hs</i> * <i>ps</i> > <i>hs</i>	нет	нет	да	да	нет	да
2КВ	* <i>st</i> > <i>ss</i>	нет	нет	да	да	нет	да
3КВ	<i>mennÄ</i> — <i>e</i> <i>männÄ</i> — <i>ä</i>	<i>ä</i>	<i>ä</i>	<i>e</i>	<i>e</i>	<i>ä</i>	<i>e, ä</i>
4КВ	<i>k/g</i>	нет	нет, кроме одного примера Луш	есть	есть	нет	есть частично
5КВ	<i>s/z</i>	нет	нет, кроме Луш	есть	есть	нет	есть
6КВ	<i>mi</i> — <i>i</i> <i>mitu</i> — <i>u</i>	<i>u</i>	<i>u</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>u</i>	<i>i</i>
7КВ	Gen <i>-ø</i> — <i>ø</i> Gen <i>-n</i> — <i>n</i>	<i>n</i> <i>ø</i> (Suo)	<i>n</i>	<i>ø</i>	<i>ø</i>	<i>n</i>	<i>ø</i>
8КВ	E1 <i>-ss(A)</i> — <i>ss</i> E1 <i>-st(A)</i> — <i>st</i>	<i>st</i>	<i>st</i>	<i>ss</i>	<i>ss</i>	<i>st</i>	<i>ss</i>
9КВ	Tr <i>-ss(l)</i> — <i>ssi</i> Tr <i>-ks(l)</i> — <i>ks</i>	<i>ks</i>	<i>ks</i>	<i>ssi</i>	<i>ssi</i>	<i>ks</i>	<i>ssi</i>
10КВ	3SgPres <i>-b</i> — <i>b</i> у глаголов 3 типов: 1) <i>anta</i> 2) <i>maatA</i> 3) <i>juovA</i>	1) нет 2) редко <i>b</i> (Kot, Naa, DPo, Man) 3) <i>b</i> Suo: <i>b</i> для всех типов	1) нет 2) нет 3) <i>b</i>	<i>b</i> для всех типов	<i>b</i> для всех типов	1) нет 2) нет 3) <i>b</i>	<i>b</i> для всех типов

Таблица 7. Куровицко-водско-ижорские изоглоссы
Table 7. Kukkuzi-Votic-Ingrian isoglosses

	НЛФ	ЮНЛИ	СНЛИ	НЛВ	ЦВ	СИ	Ку
1КВИ	стол	<i>lautA</i>	<i>lautA</i>	<i>laut(A)</i>	<i>lautA</i>	<i>kans</i>	<i>lautA</i>
	дырка	<i>reikä</i> <i>aukkU</i> (Suo)	<i>reikä</i> <i>aukko</i> (Nar, Lau, Tak)	<i>aukkU</i>	<i>aukko</i>	<i>uuttu</i>	<i>aukkU</i>
2КВИ	ведро	<i>panki</i> <i>ämpäri</i> (Kir, Kon)	<i>panki</i>	<i>panki</i>	<i>panki</i>	<i>uhlu</i>	<i>panki</i>
	навоз	<i>valo</i> <i>tae</i> (Kon, Hak, Kii, Kai, Kir)	<i>valo</i>	<i>valo</i>	<i>valo</i>	<i>tae</i>	<i>valo</i>
	дверь	<i>uks</i>	<i>uks</i>	<i>uks</i>	<i>uks</i>	<i>ovi</i>	<i>uhs</i>
3КВИ	платок	<i>rätti</i>	<i>rätti</i>	<i>rätti</i>	<i>rätti</i>	<i>korvilus</i>	<i>rätti</i>
	красивый	<i>lusti</i> <i>naasti</i> (Suo) <i>ilosa</i> (KA)	<i>lusti</i>	<i>lusti</i>	<i>ilosa</i>	<i>käppiä</i>	<i>lustI</i>
	коза	<i>kitsi</i> <i>kili</i> <i>kilö</i> (Suo)	<i>kitsi</i>	<i>kitsi</i>	<i>voho</i>	<i>kili</i>	<i>kitsI</i>
4КВИ	старый	<i>vana</i> <i>vanha</i>	<i>vana</i>	<i>vana</i>	<i>vana</i>	<i>vanha</i>	<i>vana</i>

Таблица 7. Куровицко-водско-ижорские изоглоссы (продолжение)
 Table 7. Kukkuzi-Votic-Ingrian isoglosses (continued)

	Н.ЛФ	ЮНЛИ	СНЛИ	Н.ЛВ	ЦВ	СИ	Ку
4КВИ	<i>karhu</i> <i>karu</i> (Kig, Sut, Suo)	<i>karu</i>	<i>karhu</i> <i>karu</i> (Tak, Lau, Joe, Luu)	<i>karu</i>	<i>karu</i>	<i>karhu</i>	<i>karu</i>
5КВИ	есть	есть	есть	есть	есть	нет	есть
6КВИ	нет	нет кроме отдельных слов	нет кроме отдельных слов	нет	нет	есть	нет
7КВИ	- <i>ssaa</i> <i>ast</i> (Vip, Kon)	- <i>ssa</i>	- <i>ssaa</i>	- <i>ssa</i>	- <i>ssaa</i>	- <i>ssa</i> , <i>nasse</i>	- <i>ssa</i>
8КВИ	- <i>nka/-nkä</i> <i>-ka/-kä</i> (Suo)	- <i>ka/-kä</i>	- <i>nka/-nkä</i>	- <i>ka</i>	- <i>kaa</i>	Gen+ <i>kerä</i>	- <i>ka/-kä</i>
9КВИ	- <i>mp/</i> <i>-mpa/</i> <i>-mta</i>	- <i>p/</i> <i>-pa/</i> <i>-ma</i>	- <i>mp</i> <i>-p</i> (Tak, Nar, Luu) <i>-mpa/</i> <i>-mta</i>	- <i>p/</i> <i>-pa/</i> <i>-pa</i>	- <i>p/</i> <i>-pa/</i> <i>-pa</i>	- <i>mp/</i> <i>-mpa/</i> <i>-mta</i>	- <i>p/</i> <i>-pa/</i> <i>-mta</i>
10КВИ	<i>hiö</i> <i>nämä</i> (Suo)	<i>höö</i>	<i>höö, hiü</i> <i>hiüüd</i> (Raj, Luu)	<i>nämäd</i> <i>hiü</i> (Joe)	<i>nämäd</i>	<i>höö, hiü</i>	<i>hiü</i>

Таблица 7. Куровицко-водско-ижорские изоглоссы (продолжение)
 Table 7. Kukkuzi-Votic-Ingrian isoglosses (continued)

	НЛФ	ЮНЛИ	СНЛИ	НЛВ	ЦВ	СИ	Ку
11КВИ	1), 2) -sse	1), 2) -ssE	1), 2) -sse	1), 2) -se/-sō (Joe) 1), 2) -je (Luu)	1) (-see/ -sōō) 2) -see/ -sōō	1) ∅ 2) -sse	1), 2) -ssE
12КВИ	-t(a)	-t(A)	-t(a)	-t(A)	-ta	-a	-t(A)
13КВИ	нет кроме Suo, Afs	нет	нет кроме отдельных идиолектов Luu	нет	редко	есть	нет
	сильная ступень основы P1	сильная	сильная	сильная	обе	слабая	сильная
14КВИ	-hha -vva (Kai, Kii, Ven, Kon)	-vva	-vva	-vva(A)	-vva, -ha, -aG, -ta	-vva	-vva
	показатель Inf от глаголов saa-vva, jää- vva						

Таблица 8. Изоглоссы со сложным распределением
Table 8. Isoglosses with a complex distribution

	НЛФ	ЮНЛИ	СНЛИ	НЛВ	ЦВ	СИ	КУ
1ОС	<i>s</i>	<i>s</i> <i>i</i> (Kot)	<i>s</i> <i>i</i> (Pär)	<i>s</i>	<i>s</i>	<i>i</i>	<i>s</i>
2ОС	\emptyset	<i>i</i> (Tee, DPo, Haa) <i>i</i> ~ \emptyset (Kot, Man) \emptyset (Van, Sut)	\emptyset (Joe, Luu, Tak, Ham, Nar, Rop) <i>i</i> ~ \emptyset (Lau) <i>i</i> (Pär, Raj)	\emptyset	\emptyset	<i>i</i>	\emptyset ~ <i>i</i>
3ОС	<i>i</i> ~ \emptyset <i>si</i> (Suo)	<i>si</i> ~ <i>i</i> <i>zi</i> (Kot)	<i>si</i> ~ <i>i</i> <i>i</i> (Ham) <i>zi</i> (Joe, Luu, Nar ²⁵)	<i>zi</i>	<i>zi</i>	<i>i</i>	<i>zi</i>
4ОС	<i>u</i>	\emptyset <i>u</i> (Sut, Van) <i>ua</i> (Kot)	<i>ua</i> (Pär, Lau, Joe, Raj, Luu) <i>oa</i> (Tak, Lau) <i>o</i> (Nar) <i>u</i> (Ham, Nar, Rop)	<i>ua</i>	<i>ua</i>	<i>ua</i>	<i>ua</i> ~ \emptyset
2У	1) <i>juvva</i> 2) <i>luetaa</i>	1) <i>juvva</i> 2) <i>lueta</i>	1) <i>juvva</i> 2) <i>luetaa</i>	1) <i>juvva</i> 2) <i>lueta</i>	1) <i>juvva</i> 2) <i>luetaa</i>	1) <i>juvva</i> 2) <i>luetaa</i>	1) <i>juvva</i> 2) <i>luetaa</i>

²⁵ В Б. Куземкине вариант *-zi* отмечен только Лаанестом, в наших материалах встречается только *-si*.

Список условных сокращений

Названия идиомов: вод. — водский язык; ижор. — ижорский язык; кур. — куровицкий идиом; н.-луж. — нижнелужский диалект ижорского языка; сойк. — сойкинский диалект ижорского языка; фин. — финский язык; инг. — ингерманландские финские диалекты.

Индексы деревень: Ars — Арсия; Дро — Дальняя Поляна; Joe — Краколье; Наа — Кейкино; Nak — Гакково; Nam — Хамолово; Kai — Кайболово; Kat — Котлы; Kii — Тисколово; Kir — Кирьямо; Knd — Кандикюля; Kon — Конново; Kor — Корветино; Kot — Орлы; Kuk — Куровицы; Ksk — Косколово; Lau — Остров; Luu — Лужицы (и Пески); Man — Манновка; Mat — Маттия; Nar — Б. Куземкино; Pär — Липово; Raj — Межники; Röl — Александровка; Saa — Югантово; Suo — Дубровка; Sut — Волково; Syr — Сюръя; Tak — Новая; Tee — Извоз; Van — Ванюля; Ven — Вейно; Vii — Вистино; Vip — Выбье; Vol — Валяницы.

Список глосс: AVL — аблатив; ADESS — адессив; ALL — аллатив; COM — комитатив; EL — элатив; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMPERS — имперсонал; IMPF — имперфект; INESS — инессив; INF — инфинитив; INT — междометие; NOM — номинатив; PART — партитив; PL — множественное число; PRES — настоящее время; SG — единственное число; TERM — терминатив; TRANS — транслатив; 1SG, 2SG, 3SG — 1, 2, 3 лицо единственного числа; 1PL, 3PL — 1, 3 лицо множественного числа.

Литература

- Адлер 1966 — Э. Адлер. Водский язык // В. И. Лыткин, К. И. Майтинская (отв. ред.). Языки народов СССР. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. С. 118–137.
- Кузнецова 2009 — Н. В. Кузнецова. Фонологические системы ижорских диалектов. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2009.
- Лаанест 1966 — А. Лаанест. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллин: Валгус, 1966.
- Маркус, Рожанский 2007 — Е. Б. Маркус, Ф. И. Рожанский. Феномен куровицкого идиома // Материалы XXXVI Международной филологической конференции. 12–17 марта 2007 г., Санкт-Петербург. Вып. 9. Уралистика. СПб.: СПбГУ, 2007. С. 61–75.
- Маркус, Рожанский 2011a — Е. Б. Маркус, Ф. И. Рожанский. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. Т. 1. СПб.: Нестор-История, 2011.
- Маркус, Рожанский 2011b — Е. Б. Маркус, Ф. И. Рожанский. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. Т. 2. СПб.: Нестор-История, 2011.
- Муслимов 2005 — М. З. Муслимов. Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2005.

- Муслимов 2009 — М. З. Муслимов. К классификации финских диалектов Ингерманландии // С. А. Мызников (ред.). Вопросы уралистики 2009. Научный альманах. СПб.: Наука, 2009. С. 179–204.
- Муслимов 2014 — М. З. Муслимов. Заметки о молосковицком ингерманландском диалекте // В. Ф. Выдрин, Н. В. Кузнецова (отв. ред.). От Бикина до Бамбалюмы, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 277–287.
- Alvre 1991 — P. Alvre. Inkerin suomalaismurteiden nominitaivutus // Virittäjä. 1991. № 1. S. 1–5.
- Ariste 1948 — P. Ariste. Vadja keele grammatika. Tartu: Teaduslik kirjandus, 1948.
- Boretzky, Iгла 1994 — N. Boretzky, B. Iгла. Romani mixed dialects // B. Peter, M. Mous (eds.). Mixed languages: 15 case studies in language intertwining. Amsterdam: IFOTT, 1994. P. 35–68
- van Bree 1994 — C. van Bree. The Development of so-called Town Frisian // B. Peter, M. Mous (eds.). Mixed languages: 15 case studies in language intertwining. Amsterdam: IFOTT, 1994. P. 69–82.
- Kettunen 1915 — L. Kettunen. Vatjan kielen äännehistoria (Suomi. Vol. IV: 15: I) Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1915.
- Laanest 1986 — A. Laanest. Isuri keele ajalooline foneetika ja morfoloogia. Tallinn: Valgus, 1986.
- Leppik 1975 — M. Leppik. Ingerisooime Kurgola murde fonoloogilise süsteemi kujunemine. Tallinn: Keele ja kirjanduse instituut, 1975.
- Markus, Rozhanskiy 2012 — E. Markus, F. Rozhanskiy. Votic or Ingrian: new evidence on the Kukkuzi variety // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 2012. Bd. 35. P. 77–95.
- Mägiste 1925 — J. Mägiste. Rosona (Eesti Ingeri) murde pääjooned (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XVIII; Acta et Commentationes Univ. Tartuensis B. Vol. VII: 3). Tartu: S. n., 1925.
- Muysken 1997 — P. Muysken. Media lingua // S. G. Thomason (ed.) Contact languages: a wider perspective. Amsterdam: John Benjamins, 1997. P. 365–426.
- Pajusalu et al. 2009 — K. Pajusalu, T. Hennoste, E. Niit, P. Päll, J. Viikberg. Eesti murded ja kohanimed (toim. T. Hennoste). Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2009.
- Porkka 1885 — W. Porkka. Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen dialekte. Helsingfors: S. n., 1885.
- Suhonen 1985 — S. Suhonen. Wotisch oder Ingrisch? // W. Veenker (ed.). Dialectologia Uralica. Materialien des ersten Internationalen Symposiums zur Dialektologie der uralischen Sprachen 4.–7. September 1984 in Hamburg (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Vol. 20). Wiesbaden: Harrassowitz, 1985. S. 139–148.

Источники

- Alvre 1971 — P. Alvre. Soome keelenäiteid // Emakeele Seltsi Aastaraamat. 1971. № 17. Lk.173–186.
- Ariste 1962 — P. Ariste. Vadja muinasjutte (Emakeele Seltsi Toimetised. Vol. 4). Tallinn, 1962.

- Ariste 1968–1969 — P. Ariste. Vanaküla isuri murrakust // Emakeele Seltsi Aastaraamat. 1968–1969. № 14–15. Lk. 173–180.
- Ariste 1974 — P. Ariste. Vadja muinasjutte ja muistendeid (TRÜ toimetised. Vol. 323) // Tõid eesti filoloogia alalt. 1974. № 4. Lk. 3–34.
- Ariste 1977 — P. Ariste. Vadja muistendeid (Emakeele Seltsi Toimetised. Vol. 12). Tallinn: Valgus, 1977.
- Ariste 1979 — P. Ariste. Vadja mõistatusi (Emakeele Seltsi Toimetised. Vol. 13). Tallinn: Valgus, 1979.
- Ariste 1982 — P. Ariste. Vadja pajatusi (Emakeele Seltsi Toimetised. Vol. 18). Tallinn: Valgus, 1982.
- Grünberg 2013 — S. Grünberg (toim.). Vadja keele sõnaraamat. 2 trükk. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2013.
- Kettunen 1986 — L. Kettunen. Vatjan kielen Mahun murteen sanasto (Castrenianumin toimitteita. Vol. 27). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1986.
- Nirvi 1971 — R. E. Nirvi. Inkeröismurteiden sanakirja (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XVIII). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1971.
- Posti 1980 — L. Posti. Vatjan kielen Kukkosin murteen sanakirja (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XIX). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1980.
- Tsvetkov 1995 — D. Tsvetkov. Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XXV). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1995.

References

- Adler 1966 — E. Adler. Vodskiy yazyk [Votic language]. V. I. Lytkin, K. I. Maytinskaya (eds.). *Yazyki narodov SSSR*. Vol. 3: *Finno-ugorskiye i samodiyskiye yazyki* [Languages of peoples of the USSR. Vol. 3: Finno-Ugric and Samoyedic languages]. Moscow: Nauka, 1966. P. 118–137.
- Alvre 1991 — P. Alvre. Inkerin suomalaismurteiden nominitaivutus. *Viritäjä*. 1991. No. 1. S. 1–5.
- Ariste 1948 — P. Ariste. *Vadja keele grammatika*. Tartu: Teaduslik kirjandus, 1948
- Boretzky, Iglä 1994 — N. Boretzky, B. Iglä. Romani mixed dialects. B. Peter, M. Mous (eds.). *Mixed languages: 15 case studies in language intertwining*. Amsterdam: IFOTT, 1994. P. 35–68.
- van Bree 1994 — C. van Bree. The Development of so-called Town Frisian. B. Peter, M. Mous (eds.). *Mixed languages: 15 case studies in language intertwining*. Amsterdam: IFOTT, 1994. P. 69–82.
- Kettunen 1915 — L. Kettunen. *Vatjan kielen äännehistoria* (Suomi. Vol. IV: 15: I). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1915.
- Kuznetsova 2009 — N. V. Kuznetsova. *Fonologicheskije sistemy izhorskih dialektov* [Phonological systems of Ingrian dialects]. Candidate thesis. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2009.
- Laanest 1966 — A. Laanest. *Izhorskiye dialekty. Lingvogeoraficheskoje issledovaniye* [Ingrian dialects. Linguistic-geographic study]. Tallinn: Valgus, 1966.

- Laanest 1986 — A. Laanest. *Isuri keele ajalooline foneetika ja morfoloogia*. Tallinn: Valgus, 1986.
- Leppik 1975 — M. Leppik. *Ingerisooma Kurgola murde fonoloogilise süsteemi kujunemine*. Tallinn: Keele ja kirjanduse instituut, 1975.
- Markus, Rozhanskiy 2007 — E. B. Markus, F. I. Rozhanskiy. Fenomen kurovitskogo idioma [The phenomenon of Kukkuzi idiom]. *Materialy XXXVI Mezhdunarodnoy filologicheskoy konferentsii. 12–17 marta 2007. Sankt-Peterburg. Vyp. 9. Uralistika*. [Proceedings of the XXXVI International philological conference. 12–17 March 2007. St. Petersburg. Iss. 9. Uralistics]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2007. P. 61–75.
- Markus, Rozhanskiy 2011a — E. B. Markus, F. I. Rozhanskiy. *Sovremennyy vodskiy yazyk. Teksty i grammaticheskiy ocherk* [Modern Votic language. Texts and grammar sketch]. Vol. 1. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011.
- Markus, Rozhanskiy 2011b — E. B. Markus, F. I. Rozhanskiy. *Sovremennyy vodskiy yazyk. Teksty i grammaticheskiy ocherk* [Modern Votic language. Texts and grammar sketch], Vol. 2. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011.
- Markus, Rozhanskiy 2012 — E. Markus, F. Rozhanskiy. Votic or Ingrian: new evidence on the Kukkuzi variety. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Bd. 35. P. 77–95.
- Muslimov 2005 — M. Z. Muslimov. *Yazykovyye kontakty v Zapadnoy Ingermanlandii (nizhneye techeniye reki Lugi)* [Language contacts in the West Ingria (lower course of Luga)]. Candidate thesis. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 2005.
- Muslimov 2009 — M. Z. Muslimov. K klassifikatsii finskikh dialektov Ingermanlandii [On the classification of Finnish dialects of Ingermanland]. S. A. Myznikov (ed.). *Voprosy uralistiki 2009. Nauchnyy almanakh* [Topics in Uralistics 2009. Almanac]. St. Petersburg: Nauka, 2009. P. 179–204.
- Muslimov 2014 — M. Z. Muslimov. Zametki o moloskovitskom ingermanlandskom dialekte [Notes on the Moloskovitsa Ingrian Finnish dialect]. V. F. Vydrin, N. V. Kuznetsova (eds.). *Ot Bikina do Bambalyumy, iz varyag v greki. Ekspeditsionnyye etyudy v chest E. V. Perekhval'skoy*. [From Bikin to Bambaluma, from the Varangians to the Greeks. Field-inspired essays in honour of Elena V. Perekhval'skaya]. St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2014. P. 277–287.
- Mägiste 1925 — J. Mägiste. *Rosona (Eesti Ingeri) murde pääjooned*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XVIII; Acta et Commentationes Univ. Tartuensis B. Vol. VII: 3). Tartu: S. n., 1925.
- Muysken 1997 — P. Muysken. Media lingua. S. G. Thomason (ed.). *Contact languages: a wider perspective*. Amsterdam: John Benjamins, 1997. P. 365–426.
- Pajusalu et al. 2009 — K. Pajusalu, T. Hennoste, E. Niit, P. Päll, J. Viikberg. *Eesti murded ja kohanimed (toim. T. Hennoste)*. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2009.
- Porkka 1885 — W. Porkka. *Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen dialekte*. Helsingfors: S. n., 1885.
- Suhonen 1985 — S. Suhonen. Wotisch oder Ingrisch? W. Veenker (ed.). *Dialectologia Uralica. Materialien des ersten Internationalen Symposiums zur Dialektologie der uralischen Sprachen 4.–7. September 1984 in Hamburg* (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Vol. 20). Wiesbaden: Harrassowitz, 1985. S. 139–148.

Sources

- Alvre 1971 — P. Alvre. Soome keelenäiteid. *Emakeele Seltsi Aastaraamat*. 1971. No. 17. Lk. 173–186.
- Ariste 1962 — P. Ariste. *Vadja muinasjutte* (Emakeele Seltsi Toimetised. Vol. 4). Tallinn, 1962.
- Ariste 1968–1969 — P. Ariste. Vanaküla isuri murrakust. *Emakeele Seltsi Aastaraamat*. 1968–1969. No. 14–15., Lk. 173–180.
- Ariste 1974 — P. Ariste. *Vadja muinasjutte ja muistendeid* (TRÜ toimetised. Vol. 323). *Töid eesti filoloogialt*. 1974. No. 4. Lk. 3–34.
- Ariste 1977 — P. Ariste. *Vadja muistendeid* (Emakeele Seltsi Toimetised. Vol. 12). Tallinn: Valgus, 1977.
- Ariste 1979 — P. Ariste. *Vadja mõistatusi* (Emakeele Seltsi Toimetised. Vol. 13). Tallinn: Valgus, 1979.
- Ariste 1982 — P. Ariste. *Vadja pajatusi* (Emakeele Seltsi Toimetised. Vol. 18). Tallinn: Valgus, 1982.
- Grünberg 2013 — S. Grünberg (toim.). *Vadja keele sõnaraamat*. 2 trükk. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2013.
- Kettunen 1986 — L. Kettunen. *Vatjan kielen Mahun murteen sanasto* (Castrenianumin toimitteita. Vol. 27). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1986.
- Nirvi 1971 — R. E. Nirvi. *Inkeröismurteiden sanakirja* (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XVIII). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1971.
- Posti 1980 — L. Posti. *Vatjan kielen Kukkosin murteen sanakirja* (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XIX). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1980.
- Tsvetkov 1995 — D. Tsvetkov. *Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto* (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XXV). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1995.